

Елена Кёрн

Заколодье

Елена Кёрн
Заколотье

«Автор»

2026

Кёрн Е.

Заколотье / Е. Кёрн — «Автор», 2026

В мире, где тьма и свет не враги, а две стороны одной медали, где каждый может стать проводником судьбы, разворачивается история о древнем противостоянии. Серые города поглощают души людей, превращая их в безликие тени. Древняя сила, запертая на острове Кимано, рвётся на свободу, стремясь изменить мир. В этом мире, где грань между добром и злом размыта, а истина скрыта за семью печатями, появляется тот, кто может всё изменить. Он не герой и не избранный — просто человек, оказавшийся в водовороте событий. И иногда единственный путь к победе — это путь через собственное сердце, где живут страхи и сомнения. И о том, что мир не чёрно-белый, а соткан из множества оттенков, которые мы боимся увидеть. Это история о выборе. О том, что каждый из нас может стать тем, кто изменит мир. Не силой или властью, а способностью принять то, что отличается от нас. Потому что истинная победа — не в уничтожении врага, а в принятии его как части целого.

© Кёрн Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Кёрн

Заколodge

Глава 1

Водаводяница, студёная водица. Выплесни холод, застыв стеклом смотровым.

Деревянный ковш поднялся, зачерпнул холодной студёной воды из кадки и плеснул её в пустое пространство.

Вода одним большим массивом взлетела и застыла на мгновение, затем капельки стали разбегаться в стороны, растягивая водяное полотно в воздушном пространстве. Когда получился идеальный квадрат, вода открыла глаза и проговорила:

— Приказывай!

— Покажи мне мир! — Пространство разрезал повелительный женский голос.

По водяному пространству пошла рябь, вода отразила многолюдный город. Высокие здания упирались в небеса, повозки ездили самостоятельно, люди одеты необычно. Ритм жизни был необычайно быстр. Они забыли всё: кто они, зачем рождались и для чего жили. Они не давали света миру, и мир был сер и безрадостен. Он не искрился цветами сущего, и люди были серы и безлики.

— Зачем они живут? Какая у них цель? — спросил повелительный женский голос.

— Живут, чтобы жить. А цель?.. — Вода замолчала, пространство приняло тишину. А потом пространство разорвалось речью: — Одни просто глубоко спят, другие поработаны, третьи выросли в этом мире и вскормлены им, поэтому другого мира не знают.

— Странно. Как можно забыть всё? А корни, род, предки? Разве они не говорят с ними?

— Разговаривают, — ответила вода. — Да, люди их не слышат.

Здесь вода пожелала добавить ещё цитату уже от себя, но пространство разрезал повелительный окрик:

— Довольно!

Капельки быстро побежали, и всё водное пространство, свернувшись, обрушилось водопадом в подставленный ковш.

Быстрые тихие шаги засеменили к двери, петли скрипнули, и во двор вышла ладная девушка со смешливыми глазами и ямочками на щеках. Она пробежала по мягкой траве двора в дальний угол, остановилась перед кустом папоротника. Приговаривая, вылила воду в корни папоротника:

— Прими, матъземля, то, что зло отбрось, то, что добро — забери.

Когда ковш опустел, девица повернулась и подошла к кадке, которая стояла на углу дома: там была собрана дождевая вода. Зачерпнув этой водицы, она ополоснула ковш и поставила его на солнышко сушиться.

Калитка скрипнула, во дворе появился высокий, тощий парень: густые брови нависали над его мрачными глазами. Он застыл недалеко от калитки, нерешительно мня шапку в руках. У девушки в глазах появились искорки озорства.

— Чего тебе, Фрол? Почиститься пришёл?

Молодой человек опустил глаза, продолжая мяться. Набравшись смелости, он решил ответить, но тут встряла хозяйка:

— Ну, иди, садись.

Парень подошёл к поставленной табуретке, сел и опустил голову. Хозяйка дома опустила руку на его голову и тихо начала что-то шептать, затем зачерпнула дождевой воды и вылила на голову. Фрол потряхнул голову, встал, поклонился и остался стоять на месте. Хозяйка вымыла

ковш и поставила на место, потом повернулась. Увидев, что мужчина стоит и смотрит на неё, спросила:

— Чего тебе ещё, Фрол?

— Благодарствую, Василиса. Но я пришёл не за чисткой, — и он опять опустил глаза.

— А зачем же ты пришёл? — Голос девушки звучал озорно и звонко. Она подбоченилась и весело смотрела на Фрола.

Тот, переборов свою нерешительность, подошёл к ней. Неловко покопавшись за пазухой, протянул ей руку. На его ладони лежала маленькая хлебная птичка. После мимолётного взгляда на руку из глаз Василисы растаял смех и озорство; вместо этого в них появилась злость. Глаза потемнели и из васильковых превратились в тёмнофиолетовые, тёмнорусые брови сдвинулись к переносице, а пухлые губы сжались в напряжённую линию.

— Что это ты опять надумал, неразумный? — От голоса хозяйки дома стало холодно. — Я же тебе неоднократно говорила, что не ровня я тебе, не ровня!

Но парень оказался упрямым. Он поднял на Василису тяжёлый взгляд и загородил дорогу, когда она попыталась обойти его.

— Не упрямься, Василиса. Ровня, не ровня, а моей ты будешь. — Взгляд парня говорил, что он недоброе задумал. — Не отдам я тебя никому! — сипло закончил он.

— Ты не в себе, Фрол. Не было между нами «уговорки», я свободна в своей жизни. А теперь дай мне пройти.

Но Фрол не сдвинулся с места; в его глазах появилась ещё большая решимость. Но девушку это не испугало, она лишь усмехнулась.

— Не тягаться тебе со мной, — мягко сказала Василиса. — Иди с Богом.

Но вместо этого Фрол схватил правой рукой Василису за стан, а левой попытался раскрыть мешок.

Василиса всплеснула руками, и Фрол отлетел в сторону. Она резко развернулась, длинная толстая коса переметнулась на грудь. Её глаза опять приобрели тёмнофиолетовый цвет.

— Зря ты это затеял, Фрол, зря. Не подойти теперь тебе ни ко мне, ни к моему дому. Поди прочь.

Неведомая сила подняла молодого человека с земли, закрутила и выбросила за калитку. Он упал возле лужи от недавнего дождя. Случайно взглянув в воду, он увидел у виска молнию. Метку эту ставили отчуждённым людям. Они жили в деревне, но остальные сторонились их. Это не были преступники — это были люди, оступившиеся, но не утратившие свою человеческую природу. Некоторые из них осознавали свой поступок — тогда метка уходила, и жизнь налаживалась. Другие так и проживали свою жизнь бобылём, не признавая ничего. А были такие, которые отягощали свою жизнь, идя всё время вниз по тропе жизни.

Каждый может оступиться, но не каждый может это признать.

Василиса пригладила волосы, зашла в дом, схватила корзинку, стоявшую в сенях, и опять выскочила на улицу. К этому моменту Фрол уже исчез. Девушка, выйдя за калитку, отправилась в лес.

Первозданная поверхность морской воды была нарушена сегодня телами «дикарей». Наша дружная компания с воплями и криками бросилась в мелкие глубины черноморского побережья Анапы. Золотой берег принял нас как своих родных обитателей.

Но не все были настолько легкомысленными: мой палец левой ноги скептически опустился в воду и дёрнулся обратно. Расстелив «подстилку» возле самой кромки воды, я опустил свою пятую точку и устремил взгляд на «дикарей». Трое девушек и двое парней бесились, как милые дети, в водной стихии.

— Эй, магнетоучка, иди к нам! — закричал Макс, падая в воду. Я лишь улыбнулся и покачал головой.

— Почему тебя зовут магнетоучка? — Тихий шелестящий голос прозвучал сзади. Я дёрнулся и обернулся.

Пожилой мужчина сидел на камне. Его белоснежные одежды отражали солнечный свет. Внимательный взгляд упёрся в горизонт моря.

— Молодость всегда прекрасна, не правда ли? — Мужчина перевёл взгляд на меня. Мой кивок подтвердил, что слух хорошо работает.

— Молодость — это начало пути или же её завершение? Как ты считаешь? — У меня пересохло в горле. Мужчина подал бутылку с водой. Я жадно припал к ней. Мужчина терпеливо ждал. Надо было что-то ответить.

— Я никогда не задумывался над этим вопросом, — взгляд мужчины требовал конкретного ответа. — Для каждого, наверно, поразному.

— Хм.

— А ты как считаешь: твой путь только начат или уже заканчивается? — Взгляд мужчины опять упёрся в горизонт. У меня опять пересохло в горле — вот незадача ведь.

— Я? Я его продолжаю.

Меня отвлекли крики ребят: они всё ещё резвились в воде. А когда я повернулся, мужчины уже не было. Как странно — словно призрак приходил.

Глава 2

Тишина коридора поглощала тихие шуршащие шаги. Старец шёл не спеша. Его белые одежды были единственным светлым пятном. Коридор сделал поворот. Вдалеке дёрнулся быстрый огонёк свечи, в глазах старца промелькнула улыбка. Коридор вильнул и начал резко спускаться; пахло сыростью. Ещё один поворот — и коридор стал повышаться. Вдали показался призрачный свет. Ещё немного — и старец вышел на площадку, окружённую лесом.

Вековые деревья упирались в высокое голубое небо, они как будто его держали своими верхушками. Внизу просачивались солнечные лучи, делая пространство полосатым.

На площадке стоял Глава Совета и внимательно наблюдал за движением света. Мирослав подошёл и стал тихо рядом.

— Посмотри, какая первозданность плетения, — на ладонь легло пятнышко света. — Превосходно, не правда ли? — восторженные глаза посмотрели на старца.

— Ты всё такой же. Хоть уже волосы побелели и одежды стали просторны, — глаза стали смеяться.

— Нарушение протокола строго наказывается, — голос прозвучал холодно. Старец поёжился.

— Моё упущение, — светлое пятнышко слетело с ладони.

— Ты быстро вернулся? Неужели всё завершил?

— Не всё, но основное — да.

— Вот так, — бровь удивлённо взлетела вверх. Старец переместился и опустился в парящее кресло, приготовился слушать.

— Я нашёл его.

— Ты уверен? Он — это он?

— Уверен!

— Замечательно! Только вот это уже тринадцатый, про которого ты так с уверенностью говоришь.

— В любом деле есть свои неудачи.

— Дада, конечно. Но маленький нюанс. Наше с тобой дело длится уже не один век. Но что такое время...

Он протянул руку в сторону — на ладонь опустилась бабочка. Она была маленькой, полупрозрачной; казалось, её природа — свет.

— Прекрасное создание, правда, Мирослав? Божье творение.

— Да. Бог всегда творит совершенство.

— Как ты думаешь, у неё много времени?

— Думаю, что нет.

— С чего ты взял?

— Бабочки живут день — это много.

— Нет. Совсем нет. Это миг. Ведь так?

— Ты прав. Для тебя это миг. Ты и не замечаешь, как проходит день. Он заполнен событиями, ты не ощущаешь движение времени. Но вот прохождение года или десятилетия ты уже ощущаешь, ведь это большой промежуток твоей жизни. Не правда ли?

— Ты прав. Это так.

— Всё это ощущает бабочка в течение одного дня. Для тебя день — это миг. А для неё — целая полноценная жизнь.

— Наша задача затянулась. Мы, как эта бабочка, проживаем свою миссию, заиклено, день за днём, не достигая цели. Мы не видим очевидных деталей, из которых она складывается.

Мирослав сел в другое кресло напротив, протянул ладонь. Прозрачная бабочка перепорхнула к нему. Он поднёс руку ближе к глазам и стал рассматривать.

Бабочка была прекрасна. Её крылья были тонки и прозрачны; свет, попадая на них, преломлялся, окрашивая их в разные цвета. Мгновение — и она вспорхнула, исчезла в пространстве.

— Ты прав: время для всех течёт неоднозначно. И мы действительно затянули миссию. Если этот парень опять провал, то я ухожу. Не хватает понимания и внутреннего зрения.

Глава Совета внимательно посмотрел на своего товарища, вздохнул и ответил:

— Что ж, твоё решение похвально и достойно уважения. Я принимаю его. Если парень, которого ты нашёл, — не тот, ты пойдёшь странником.

Площадка опустела.

Дождь лил уже третьи сутки. Василиса с тоской смотрела в окно. «Природа сердится», — всегда говорила её бабка. — «Мы прогневали её». Васька, маленькая, ещё игравшая возле печки с вязанками, спрашивала тогда:

— Я что ли прогневала, бабка Агафья? Чего ж я сегодня не сделала? — девочка подбоченилась, сидя.

— А тыто тут при чём? Не про тебя речь. Про людской род я. Поди, не все то добрые и приветливые. Есть и злыдни в людском роду.

Стук в дверь отвлёк от воспоминаний. Василиса повернулась и пошла к двери. Стена воды встретила её у порога. Внутри неё показались очертания фигуры, а потом показалась Агафья. Платье вымокло до последней нитки, волосы, закрученные в косы, расплелись, но всё это было не так страшно. А вот глаза излучали отчаянье и надежду.

— Нужна твоя помощь, — голос дрогнул.

Василиса резко повернулась, схватила короб, стоявший в сенях, и молниеносно выскочила в дождь.

Окраина деревни встретила ветром, но без дождя. Василиса лёгкой походкой взбежала в избу. В углу сидела бледная девица: она была растрёпана, в одной сорочке; глаза несчастной блуждали в безумстве.

— Давно она так? — копаясь в коробе, бросила домочадцам Василиса.

— Да, поди, уже третий день.

— Выходите! — голос, как хлыстом, ударил пространство. Все, кто был в горнице, попятились тут же к двери. Вскоре горница опустела. Василиса отбросила косу на спину, глубоко вздохнула.

— Пора!

Медленно повернулась и посмотрела прямо в глаза девушке...

Прокоп сидел на куске бревна и наблюдал за уходящим дождём. Он ещё кидался всполохами молний и поливал соседнюю деревню. Запах свежей земли витал в воздухе. Мужчина вздохнул полной грудью и посмотрел вверх. Рядом опустилась Велеса.

— Хорошо дышится, — она положила руку на плечо.

— Да. Ведь дождь прошёл.

— Как там? — Велеса кивнула на избу.

— Не знаю, — пожал плечами Прокоп.

— Случаи Морока участились. Тебе не кажется, что это плохой знак? — Велеса посмотрела ему в глаза.

— Василиса молодец! Нам повезло, что она живёт у нас, — вместо ответа сказал Прокоп.

И тут пространство пронзил крик, который разорвал его на клочья, а людские души заставил сжаться в страхе. Гром расколол небо пополам. Прокоп с Велесой подняли глаза: небо вывернулось, с одной стороны господствовал яркий, нестерпимый свет, с другой его пожирала тьма. А следом всё исчезло.

Дверь избы отворилась, и на пороге появилась Василиса. Она была вся в поту и мертвеннобледная. Сделав два шага, она упала замертво. Прокоп с Велесой, с испугом в глазах, бросились к ней.

Духота, как голодный зверь, неслась по территории города, захватывая и поглощая дом за домом, скверы, игровые площадки и всё, что попадалось на её пути. Все окна в квартире были распахнуты настежь, но это мало помогало. Прохлады не было нигде.

Я сидел на кухне и наблюдал за улицей, пока моя младшая сестра Наташка накрывала на стол. Наташка была уже молодой девушкой: высокой, стройной, с густыми длинными волосами. Красавица, да и только. Очень похожа на мать. Мать в свои 40 лет не утратила свою красоту, хотя после того, как пропал отец, она как будто замерла в одном своём состоянии.

— Евсей, тебе обязательно сегодня идти? — голос сестры вырвал меня из прошлого.

Я улыбнулся и повернулся к ней.

— Это всего на пару часов. Что это ты всполошилась? — я чмокнул её в макушку.

В глазах Наташки явно читался страх и сомнения. Она лишь кивнула на окно. Я повернулся и замер. Ещё пять минут назад небо было чистым, и ярко светило солнце, а сейчас небо заволокло свинцовыми тучами, и чувствовался запах дождя.

Я похлопал сестру по плечу.

— Ну что ты, глупенькая, опять боишься какого-то дождика? Опять всё постарому.

Сестра, с какой-то поволокой глубокой тоски в глазах, прошептала в ответ:

— Что я скажу маме? Она не переживёт.

Внутри поднялось напряжение, как перед боем. Я лишь развёл руками и сел обратно за стол. Что можно было сказать? Сестру преследовал страх дождя с тех пор, как пропал отец. Он тоже вот так вышел в выходной день в дождь и не вернулся. С тех пор Наташка панически боялась дождя.

— Всё будет хорошо, — я чмокнул сестру, как только она поставила мне чашку кофе.

Она слабо улыбнулась и вышла из кухни. С первым моим глотком грянул первый раскат грома. Я понял: время начало работать против меня.

Проглотив быстро Наташкин перекус, я забежал в комнату, схватил портфель, зонт, чмокнул Наташку и вылетел за дверь.

Но не тутто было. Когда я спустился в парадное подъезда, то увидел толпу людей, которые заполнили всё пространство. Коекак протиснувшись к дверям, мои ноги примёрзли к полу. Двери подъезда были распахнуты настежь, а за ними стояла непроницаемая стена воды. Такого дождя я ещё никогда не видел: как будто стена воды встала перед домом.

Что делать? Время для меня сокращалось стремительно. Если не успею на встречу, могу помахать рукой новой работе.

Побарабанив костяшками пальцев по косяку, я решительно отбросил зонт, как ненужную вещь, и вошёл в дождь. Облокотившись о раму окна, Наташка горько рыдала, смотря на непрерывную стену дождя.

Дождь взял меня в плен: где дорога, в каком направлении двигаться — было неизвестно. Шёл я наугад, просто ощущая направление. Это даже не ходьба была, а скорее плавание. Вот я и плыл неизвестно куда.

Неожиданно всё закончилось, и я оказался на опушке леса. Первые мои ощущения невозможно передать. Я бесцельно стал ходить вокруг деревьев, тупо рассматривая их и смотря то себе под ноги, то в небо. Здесь, в лесу, оно было высоким и каким-то холодным и чужим. Сколько я так шатался — непонятно, но мне удалось уйти с поляны вглубь леса. Деревья были как из сказки: высокие, древние, стволы толстые, не в один охват.

Я шёл, всё ещё не понимая, как я здесь оказался. Среди деревьев показалась прогалина. Я обратил на неё внимание лишь потому, что она мне показалась какой-то неправильной.

Потоптавшись рядом и пересилив нерешительность, подошёл к кустам, закрывавшим её, и заглянул внутрь. Лес стоял, как и стоял, прогалина тоже была обыкновенной, но мужчина, который здесь был, никак не вписывался в картину. Он был необычен: длинные, густые, светлые волосы; от висков заплетённые косы уходили в хвост, собранный на затылке.

Он сидел в расслабленной позе, с закрытыми глазами, и слушал лес. Я пошёл и сел на ветку. Он даже не пошевелился.

— Добрый день! Не покажете мне дорогу?

Тишина леса не была нарушена ничем. Я перехватил портфель, который теперь мне только мешал, и попытался снова:

— Мне необходимо выйти из леса. Моя судьба решается сейчас.

После этих слов мужчина поднялся и направился вглубь леса неторопливым шагом, даже не посмотрев в мою сторону. Я был ошеломлён таким поведением. Это ведь не Средние века, чтобы вот так поступать непорядочно. Мысли просто зашкаливали у меня в голове.

Мужчина оказался высоким: мы были с ним одного роста; худощав. В его движениях угадывалась скрытая сила, но и благородство, мудрость и ещё что-то неуловимое.

Он уже ушёл достаточно далеко, его было еле видно. И тут меня подкинуло внутреннее чувство: оно толкало идти за ним. Ничего не оставалось делать, как догонять. Так мы и шли: он впереди, я плёлся сзади.

Солнце пошло к закату, воздух стал прохладным, затем появился на ветвях иней. Что было удивительно: среди лета увидеть иней. А минут через двадцать неожиданно повалил густой снег. Мороз стал крепчать. Мужчина, шедший впереди, не ускорил шага: было ощущение, что он мороза совсем не ощущал. Я же не был подготовлен к такому повороту событий, и моё тело начало леденеть. Хотя я был в кроссовках и джинсах, летняя майка никак не могла меня спасти от тридцатиградусного мороза и обильного снегопада.

Далёкий шум привлёк моё внимание и вселил надежду. Мы вышли на околицу деревни. Я шёл и не мог поверить глазам. Деревня была большой, многолюдной; каждый дом был добротный, собранный без единого гвоздя — как на картинках, которые я видел в книжках в детстве. Люди были красивые, улыбчивые; даже старики здесь лучились каким-то здоровьем и силой. Я чувствовал себя неуютно, хоть на меня и смотрели без враждебности.

Мужчина шёл, приветливо кивал всем, кто встречался, но движение не замедлял. Зима была здесь студёная; все были одеты в старинные тулупы, шубы; девушки и женщины носили разноцветные платки.

У меня в голову закралась шальная мысль, что я попал в далёкое прошлое нашей страны. Всё на это указывало: и речь, и одежды, и строения. Но свои мысли я пока решил держать при себе.

Так мы прошли через всю деревню. Уже показался другой край, когда мужчина повернул и углубился в одну из улиц. Пройдя три поворота, мужчина остановился перед высокими резными воротами, распахнул калитку и вошёл во двор. Я, еле передвигая ногами, зашёл за ним. Передо мной оказался большой двор с различными постройками.

Мужчина уже заходил в дом. Я поплёлся за ним. Зайдя в дом, первое, что я сделал, — опустился на лавку, которая стояла рядом. Резкий контраст между стужей и теплом сделал своё дело: я без объяснений потерял сознание.

Глава 3

Мороз крепчал, хотя день только начинался. Солнце недавно вышло изза горизонта, но на улице было уже светло: снег, заваливший деревню, хорошо отражал лучи.

Василиса медленно шла по тропинке. Быстро сейчас идти бы и не получилось — снег оставил только небольшую тропку. Василиса была бледна и шла неровным шагом. Постоянные кошмары не давали покоя. Глаза её потускнели, улыбка сошла с лица, но ответственность за людей жила в ней. Вот и сейчас, надев расшитые валенки, полушубок и тёплый платок, она спешила к Анисье: её малец ещё затемно прибежал и сказал, что мать занемогла.

На очередном повороте Василиса неожиданно столкнулась с бабкой Агафьей.

— Доброго здоровичка, бабушка! — Василиса поклонилась.

— И тебе, дитя, здоровья! Куда идёшь спозаранку? — бабка Агафья приостановилась.

— К Анисье поспешаю, бабушка. Хвороба её одолела.

— Хорошее дело, — бабка Агафья погладила Василису по плечу и добавила: — А нездоровится тебе, дитятко.

Василиса слабо улыбнулась — что тут ответишь. Агафья пристально вскинула взгляд, и Василису пробил озноб: так взгляд пробрался к ней глубоко в душу и дотронулся до чего-то чёрного, которое начало злобно колыхаться. Миг — и всё прошло.

— Ну, поди, поди, дитятко, небось, Анисья заждалась. А после зайди, дитятко, до меня, — издали услышала Василиса.

Бледность её только усилилась. Она снова поклонилась и засеменила за поворот.

Анисья лежала на печи вся в жару. Бред то подбирался, то отступал: тогда она открывала глаза, взгляд прояснялся, и она слабо улыбалась. Опосля опять начиналось забытьё. Она говорила непонятные фразы, билась и кричала.

Василиса пришла именно в такой момент. Домочадцы сидели тихие, разговаривали полупшёпотом — как при умирающем человеке. Василиса разделась, поклонилась и сразу же нахмурилась. Глаза потемнели, упёршись в главу дома.

— Ты что же, Аким, делаешь? — голос Василисы чуть сдерживал гнев, рвущийся изнутри.

— А чего это я делаю? — чуть присевшим голосом отозвался Аким. Мужичок был трижды взрослее Василисы, а оробел перед её грозным взглядом.

— А того ж, — грозно продолжила Василиса. — Анисья ещё жива, да и будет жива. А вы все ведёте себя, как будто её уж нет. Негоже это, Аким.

— А кто её знает... Поди, она отходит. Ты слышала, чего кричалато она? Мы и не поняли. Всё мудрёно, — пробормотал Аким.

Глаза Василисы ещё более потемнели.

— Прочь! — её голос оглушил всех. И стар, и мал бросились из избы. Горница опустела за считанные минуты.

Напряжение спало, ноги подкосились, и Василиса тяжело оперлась на косяк двери. Холодный пот струйками потёк со лба. Она платком утёрлась и подошла к печи.

— Ничего, ничего, Анисья. Выберемся, — девушка встала на лавку перед печью, выпрямилась, как струна, вытянула руки: одну остановила перед головой, другую — над животом. Вздохнула и готова была начать, как женщина неожиданно вскочила, схватив её за руку. Повернулась и посмотрела прямо в глаза.

Из глаз Анисьи вытекал яркий тягучий свет. Голос был не её, а какойто глубокий, баритонный:

— Грядут события, которые изменят жизнь. Единицами они будут поняты и осмыслены. Остальные примут мир, который построят им те, которые будут осмыслены. Не пропусти мгновения переворота.

Свет ушёл из глаз Анисьи, руки рухнули к телу, и молодая женщина ушла в глубокое забытё. Василиса замерла: слова впились в неё, просочились в самую душу и проросли в ней.

Мгновение спустя, придя в себя, Василиса восстановила позу и начала нашептывать оговорку.

Через три четверти часа в дверь тихо постучали. Василиса слабым голосом откликнулась. В горницу вошёл Аким и, словно гость, стал возле порога.

— Не сердчай, Василисушка, с кем не бывает. Мы люди тёмные, многого не знаем, — он стоял и прятал глаза.

Василиса слабо махнула рукой — она уже сидела за столом. Аким подошёл и сел напротив.

— Аким, сколько тебе лет? Ты старше меня раза в три. А иногда ведёшь себя как дитё малолетнее. Ведь не все такие тёмные у нас в деревне. И детей учим, и взрослых. Сходи к Волхву. Нельзя же так, — Василиса совсем обессилела. Аким со стыда чуть под землю не провалился: права была Василиса, не желал он просто учиться.

На печи послышалось слабое шевеление. Аким подскочил. Анисья была очень слаба, но пришла в себя. Аккуратно сев и укутавшись в платок, она с помощью Акима сползла вниз. Подойдя к столу, где сидела Василиса, рухнула мешком к ногам молодой девушки.

— Благодарствую, Василисушка! Не оставила моих детей сиротами. Проси, что захочешь, — всё отдадим, — прошептала Анисья. Аким поддерживал жену под локоть.

Василиса окинула их долгим взглядом, подумала и ответила:

— Ничего мне от вас не надобно. Одного прошу: ходите к Волхву, пройдите обучение сами и дети ваши. Приобщите ваших знакомых и друзей. Привычный уклад жизни скоро меняться будет — будьте готовы.

В глазах хозяев она увидела изумление.

— Мы сделаем, как ты говоришь, — Аксинья поцеловала её руку.

Василиса с трудом поднялась, оделась и вышла за дверь.

День клонился к вечеру: солнце перевалило на вторую половину неба. Мороз был силён, снег сверкал под лучами солнца. Вся ребятня, от мала до велика, высыпала на улицу. Везде слышался детский смех и гомон от криков. Взрослые чистили дворы и низко кланялись Василисе, когда она проходила мимо. Она в ответ тоже кланялась и улыбалась. Все в деревне и за её пределами знали её и уважали: не было ни одного человека, чтобы когда-то она не помогла ему или её бабка.

Так она тихонько дошла до избы бабки Агафьи. Обещала же зайти — вот и пришла. Зайдя во двор, низко поклонилась. Бабка возилась во дворе; увидав Василису, прищурилась.

— Заходи, дитятко, в дом, пополдничаем, поговорим, — кивнула Агафья.

Василиса пошла в дом, за ней зашла бабка Агафья.

Я блуждал в темноте своего сознания. Сознание не воспринимало мои действия как реальность — видимо, это было за гранью восприятия. Но всё же я находился в некоем зале, из которого выходило множество дверей. Хотя здесь было темно, но я прекрасно ориентировался. Пару дверей я открыл, но не нашёл там выхода: в одной комнате был какой-то хлам, лежавший на полу горой, в другой — полки, и все предметы аккуратно были разложены.

Не знаю, сколько я так мучился, обходя двери и заглядывая в помещения, но я чувствовал, что устал. Больше не хотелось никуда идти, ничего искать и делать. Приземлившись на пол зала, я начал созерцать пространство.

Движение времени здесь было медленным, похожим на растягиваемую резину. Я стал задрёмывать, как ниоткуда в зале показалась девушка. Один взгляд — и я пропал. Невысокая, стройная, с длинной толстой косой. Васильковый взгляд покорила меня навсегда. Она была одета в белую рубашку и сарафан древнерусского покроя — настоящая красавица с картины Васнецова.

Я сидел и пялился на неё. Она же прошла по залу и так просто и неожиданно обратилась ко мне:

— Ты пошто тут делаешь?

Голос её был мягким и обволакивающим.

— Да вот никак выход не найду, — пробормотал я.

— Хм. Странно. Чего же его искать? Он перед тобой, — она резко повернулась, подошла к двери, которая была напротив меня, открыла её и вышла вон.

От неожиданности я вскочил и направился к ещё открытой двери. Переступил порог и вывалился в горницу к мужичку, который привёл меня сюда.

Голова гудела, как после хорошего удара. Размяв шею, я осмотрелся. Горница была пуста. За окном хозяин чистил двор от снега. Первым позывом было помочь. Поднявшись и уверившись, что дурнота прошла, я вышел в сени. На гвоздях висели фуфайки и тулупы. Поискав, нашёл для себя что-то вроде тёплого жилета, который пришёлся впору. Вышел во двор.

Хозяин работал возле забора. Рядом с дверью была приставлена лопата. Взвесив её в руке, я хмыкнул и направился в противоположный угол двора и принялся за работу.

Так мы работали молча часа три, пока весь двор не оказался вычищенным. Во всём теле у меня звенела каждая мышца: хоть я и занимался тренировками, но такую работу делал крайне редко. Но при всей усталости чувствовал наполненность энергией — это было необычно. Никогда в жизни я такого ещё не ощущал.

По хозяину дома совсем не было заметно, что он устал. Да и для работы он не накинул на себя ни одной тёплой вещи — так и работал в тех же одеждах, в которых встретил меня в лесу.

Хозяин бросил на меня быстрый взгляд, оббил лопату, поставил её возле двери в избу и зашёл внутрь. Я почувствовал, что настал именно тот момент, когда мне всё расскажут. Оббив лопату и поставив её к лопате Игната, я следом зашёл в дом.

Разница во времени между нами была в пару минут, но, когда я появился в горнице, самовар уже горячий стоял и пыхтел на столе, а стол был убран под чаепитие. Хозяин сидел во главе стола.

Глава 4

Третья чашка ароматного чая была выпита, но молчание так и не было прервано. Внутри у меня всё было натянуто, как струна. Интересно, долго ли я смогу ещё выдержать так? А вот хозяин дома чувствовал себя превосходно. Похоже, он наслаждался всей этой ситуацией, хотя лицо его было так же непроницаемо, как и раньше.

Стук в окно прервал мою пытку. Хозяин вышел за дверь. Напряжение тут же спало, и я почувствовал себя намного лучше. Минуты в одиночестве давали иллюзию освобождения: я не только расслаблялся физически, но и моё мышление отбросило оковы — начало поднимать голову любопытство.

Дверь отворилась, хозяин опять появился как ни в чём не бывало. Он степенно прошёл по горнице.

— Ну что, «Призрак», ты прошёл первую ступень обучения. Для кого-то она растягивается в годы, для кого-то — в месяцы, но есть и такие, как ты, — проходят за часы. Что из тебя выйдет, не знаю, но обучить тебя я берусь.

Голос хозяина был низким, чуть с хрипотцой, глаза смотрели приветливо, вот только суровое выражение лица портило всю картину.

От такого неожиданного заявления моя нижняя челюсть непроизвольно поползла вниз. Но с этим я быстро справился. Из всего заявления собеседника более всего привлекла меня информация о «призраке».

— Жить будешь у меня. Занятия начнём с завтрашнего дня. Одежду возьмёшь в сенях. Про свою работу забудь. Семью о том, что жив и здоров, оповестишь через полгодика своим появлением, если будешь готов и обстоятельства позволят. Весточку им пошлём, — учитель вопросительно посмотрел на меня, ожидая вопросов. Я лишь помотал головой. Все ответы были даны.

— Вот и ладно. Сейчас можешь осмотреться и походить по деревне. Житьто здесь придётся долго.

Я встал и вышел в сени. Там возле двери лежала стопкой одежда: тёплые штаны, рубаха, жилет, который мне уже приглянулся, и валенки. Переодевшись и сложив на то же место свою одежду, я вышел из дома. Солнце уже высоко поднялось, мороз стоял сильный, под ногами снег скрипел. Я пошёл, не выбирая направления.

Василиса сидела на лавке, словно статуя. Только глаза жили где-то там, под веками. Бледность её переливалась разными оттенками, руки то вздрагивали, то лежали спокойно.

«Нелёгко путь внутри себя, не каждый с ним справится и вернётся. Но с Мороком подружиться не получится. Ведунья, провидица, лекарка — это особые сосуды Божии, они — проводники и распространители. Энергия, трансформация, оживление и многое другое не каждому поддается. Человек — это сосуд, каждый предназначен нести своё знание и свои умения».

Время диктует свои правила, и людей, рождённых для работы с магией, рождалось всё меньше. Морок завладевал всё большими пространствами, а волхвов и чародеев, которые могли противостоять ему, практически уже нет. Вот и стараются жители деревень оберегать свои сосуды.

Мысли Агафьи замедлились, и она обратила внимание на свою подопечную. У Василисы началось затруднённое дыхание, выступил пот, и она судорожно стала хватать руками воздух. Агафья схватила приготовленную смоченную в отваре тряпицу и стала аккуратно обтирать её лицо и руки, шепча заговорные слова и фразы. Постепенно Василиса успокоилась и опять приняла своё положение.

«Хорошо, хорошо. Сильна девочка, недаром из рода волхвов. Вот только когда узнает, простит ли свою мать, а потом и бабу, что та утаила? Хоть молчала из благих намерений,

но негоже скрывать правду от молодой души. Молодая душа должна пройти искушения, справиться с горем и предательством. Не попробовав напиток, не узнаешь его вкус, не поймёшь, нужен он тебе или противен. Но девочка — молодец: уже с детства показывала свой неукротимый, стойкий характер. Сколько бабка с ней намучилась... А что делать? Такая её суть. И путь себе выбрала, не отклонившись от рода, да и сама всему научилась. Только немного помогли, подтолкнули».

Мысли Агафьи опять отклонились в другую сторону. Выражение лица Василисы стало умиротворённым, появился бледный румянец. Агафья улыбнулась, положила девушку на лавку, укрыла и тихо вышла за дверь. Солнце ещё не совсем ушло на покой, поэтому она взялась чистить снег возле забора: там его была ещё целая горка.

Ребятишки гомонили и носились по улице, радуясь снегу и лучистому солнцу. Бабка Агафья хоть и была стара летами, но глаз её ещё был зорек, и она видела не только всё, что снаружи, но и особенно то, что внутри. Недаром она была почитаема среди волхвов: многие приходили к ней за советом и помощью.

Но сейчас всё ушло — надо было убрать снег. Агафья работала медленно, но тщательно, погружившись в свои мысли, ничего не замечала. Неожиданно рядом прозвучал незнакомый голос:

— Доброго вечера, бабушка! Давайте я вам помогу.

Бабка Агафья подняла глаза. Рядом с забором стоял незнакомый молодой человек. Его густые, слегка выющиеся волосы падали ему на лоб. Он был высок, глаз его был сметлив и ясен. Когда улыбался, появлялись ямочки на щеках, и на душе становилось теплее.

— Помоги, коль нечем заняться, — выпрямилась Агафья. — Только в дом не зову: хвороба у меня там.

Незнакомец кивнул, зашёл в калитку и схватился за лопату. Работа у него шла споро. Было видно: сноровка есть, да и желание имеется. За полчаса управился со снегом. Бабка попросила его дров наколоть. Он лишь кивнул, взялся за топор. Когда стало вечереть, все дрова были переколоты и сложены в поленницу.

Под конец работы Агафья стояла с крынкой парного молока — отблагодарить неожиданного работника. Молодец раскраснелся: работая на морозе, глаз стал сверкать энергией неудержимой. Попив молоко, незнакомец поклонился:

— Благодарствую, бабушка! Никогда не пил такого вкусного молока.

Агафья улыбнулась.

— Как зватьто тебя, молодец?

— Евсей!

Агафья пошатнулась, крынка упала из её рук. Свет затмила неожиданная тень, ударил её невидимый кулак силы. Она открыла рот, чтобы вздохнуть, да воздух было не подтолкнуть внутрь себя. Я испугался не на шутку, отбросив жилет, который пытался надеть, подхватил бабушку и по наитию нажал на солнечное сплетение. Бабушка тут же закашлялась, румянец вернулся на лицо, и она улыбнулась.

— Благодарствую, Евсей! Спас бабку от смерти, — в глазах прыгали озорные искорки.

— Всегда пожалуйста. Я пойду, бабушка! Заждались меня, — Евсей, ещё раз поклонившись, вышел за калитку.

— Доброго пути, «Призрак»! — прошептала Агафья вслед. — Видно, и правда, жизнь изменится. Не за горами противостояние. Вот и у нас забрезжила надежда.

Агафья проводила Евсея глазами до поворота и вошла в избу. Василиса спала спокойным, глубоким сном. Это была первая ночь за многие месяцы, когда девушка не вела борьбу, а просто отдыхала и набиралась энергии. Агафья проверила пульс, потрогала лоб, прошептала заветные слова над Василисой и со спокойной душой легла спать.

Первый месяц в Заколотье подходил к концу. Это было начало долгой зимы: мороз со снегом увеличивались с каждым днём. Правда, дни снежные чередовались с ясными. И когда небосклон был чист и светило солнце, вся деревня оживала и жужжала, как улей. Такие дни мне особенно нравились.

Я перезнакомился практически со всеми жителями. Они были просты, немного наивны, но в то же время настолько доброжелательны, что в первые дни я не верил, что это на самом деле.

Обучение шло полным ходом. Игнат был доволен, но внешне этого не показывал. Он всегда был суров, малоразговорчив. Евсей уже научился понимать его настроение.

Сегодня тренировка была усложнена новым уровнем. Евсей уже умел контролировать своё тело: температуру, пластичность, выносливость, уровень энергии и так далее.

Первые дни были для меня поистине экстремальными. Игнат завёл меня в вековой лес, в самую чащу, выбрал дерево и сказал, чтобы я залез на него. Осмотрев ствол, я понял, что в той одежде, что на мне, это не удастся сделать. Скинув одежду и оставшись в лёгких штанах и рубашке, я полез вверх. Когда же я посмотрел вниз, то ни Игната, ни одежды не нашёл. Он просто всё забрал и ушёл.

Спустившись на землю, первое, что я сделал, — начал искать обратную дорогу. Потратив много часов на это бесполезное занятие, я и это место потерял, и дорогу не нашёл. Мороз был сильным, а к вечеру стал крепчать ещё. Надо было принимать какое-то решение.

Очертив круг молчания, я сел и расслабился. Входить в состояние спокойствия — навык уже был. Но круг не спасал от холода: он давал возможность отсечь шум окружающей среды. Блуждая в пространстве ближнего энергетического поля, я тщательно искал решение моей проблемы. Тем временем в реальности зимы моё тело стремительно превращалось в холодную твёрдую глыбу. Пульс стал замедляться, сердце билось всё медленнее, дыхание было нитевидным.

Там, в невидимом мире, я понимал, что умираю, и, если хочу жить, надо либо возвращаться, либо найти обогрев. Но я медлил и старался найти решение именно здесь. Время в тонком мире течёт не так, как в физическом, и это давало мне небольшое преимущество. Но фиаско шло за фиаско.

Я готов был вернуться, как неожиданно появилась девушка с синими глазами — та, которая меня вывела из лабиринта сознания. Она подмигнула мне, махнула рукой, зовя за собой. Ничего не оставалось, как довериться и пойти. Чутьё меня не обмануло: пройдя небольшое расстояние, передо мной появился костёр. Он горел ярко, всполохами, с треском брёвен. На душе стало весело и спокойно. Языки пламени горели разным цветом. Огонь даровал тепло, заворачивал: хотелось вечно сидеть и смотреть на его пламя.

Минута — и огонь взвился в неизведанные небеса. От основного пламени отделился язык, молниеносным движением ударился мне в грудь. Вокруг меня появилось облако пара: мне стало тепло внутри, кровь потекла горячими реками, глаза загорелись красным светом. Миг — и всё закончилось.

Я открыл глаза. Вокруг меня стояли молчаливо древние деревья. Они, мегалиты, всё видели, но хранили свои тайны в глубоком молчании. Весь круг молчания внутри был чёрен. Нет, не обуглен, а именно чёрен: это снег растопился, и проступила Матсыра земля. Я чувствовал её вздох — потревожил её неожиданно. Попросив прощения, убрал круг. Сразу же после этого снег запорошил это место.

Температуру своего тела теперь я превосходно чувствовал и контролировал. Собрав и накидав еловых веток возле ближайшего дерева, я растянулся на них и благополучно заснул.

К концу второго дня меня, спящего, нашёл Игнат. Не сказав ни слова, он отвёл меня домой. После этого урока был выходной — три дня. Я ел и отсыпался. А потом тренировки изменились.

Глава 5

Все эти мысли, как лёгкие лепестки сонного цветка, пронесли у меня в голове, когда я нёсся по лесу. Сегодня тренировка началась с пробежки. Игнат редко давал мне физическую нагрузку. Обычно мы уходили далеко в лес и медитировали. Он показывал мне техники поиска в пространстве, осмотр местности внутренним зрением. Я даже освоил энергетический бой, чем, видимо, впечатлил своего наставника. Он после тренировки даже поговорил со мной пять минут — это был для него небывалый поступок.

Да, я учился довольно быстро. Но меня мучили вопросы, на которые никто не желал отвечать. Я решил сам узнать ответы, но столкнулся с тем, что жители деревни об этом ничего не знали. Предложили мне сходить к Василисе: мол, она у нас чародейка, она знает всё. Но мой визит оказался безответным: чародейки не оказалось дома. Вот так я и мучился.

В остальном жизнь текла размеренно. По своим выходным дням я посещал бабу Агафью. Занятная старушка оказалась. Мы подружились. Я помогал ей по дому, она меня поотечески подкармливала и учила разным сочетаниям трав. Всё говорила, что пригодится.

На мои вопросы, которые меня мучили, однажды ответила:

— Не спеши хватать к себе то, к чему не готов. Придёт время, и ты будешь сожалеть, что не остался в своём неведении.

Я поразился тогда этому ответу и хотел возразить, но взгляд бабушки меня остановил. Мои мысли потекли под другим углом, и я внутренне успокоился, вроде замер в ожидании. Моё состояние улучшилось, я стал внимательнее к обучению. Игнат даже пару раз скупно улыбнулся.

Мой наставник был таинственной личностью, и обучение у него было необычным. Он практически не разговаривал: редко пару слов скажет и пойдёт, не оглядываясь. За любые проступки с моей стороны наказания как такового не было. Мне давалось невыполнимое задание. Пример тому — поиск своего тепла. Оставить в лесу раздетого человека — это серьёзно.

Помню, тогда в сердцах я ему крикнул:

— А если бы у меня не получилось? Я бы замёрз!

На что он мне спокойно, в своей манере, ответил:

— Замёрз! Это было бы окончание обучения для тебя, — и спокойно пошёл в дом.

Мой бег ускорился, дыхание выровнялось. Я почувствовал вокруг себя контур тепла. Действительно, там, где я наступал, земля становилась чёрной. Я провёл рукой, и мои следы тут же стало заметать снегом. Улыбнулся. Значит, гожусь на что-то. Вспомнил маму — опять улыбнулся. Я очень переживал за неё: как она перенесёт моё исчезновение?

На первой неделе обучения, когда я без сил лежал на лавке после тренировки, Игнат передал треугольник бумаги. Это было письмо от родных. Прочитав, я успокоился: мать писала, что всё в порядке. Её известили, а дальше — разную чепуху насчёт переживаний, Наташку ругала и другие приятные мелочи.

Треск ствола отвлёк меня от размышлений. Впереди ухнула снежная шапка. Я сдвинулся в сторону, подпрыгнул и завис в воздухе между лап кедра. Моя воздушная платформа висела бесшумно. Оглядев местность, ничего не заметил. Присев, чтобы не затронуть лапы со снегом, я плавно двинулся вперёд.

Лес был первозданен в своей красоте. Нигде она не была нарушена. Но всё же чувствовалась некая неправильность — как раз там, где я должен был пробежать. Я замер и погрузился в мир на его изнанке. Связи природы и планеты не были и там затронуты. Я опять вынырнул в реальность мира. И всё равно чувствовалась неправильность.

Ветки кедра скрывали меня от тропинки — это давало мне некое преимущество. Чувство тревоги, которое зародилось внутри маленьким червячком, выросло и стало хозяином. Сев и скрестив ноги, я стал детально осматривать впереди тропинку. Всё было первозданно.

Но чувство не проходило и усиливалось. А Игнат всегда учил опираться на свои внутренние чувства. Он называл это чуйкой.

Поначалу я посмеивался над этим, но когда мы однажды столкнулись с отверженными и только благодаря чутью Игната избежали конфликта, я понял, что прислушиваться к себе стоит. С того случая мои внутренние занятия по тренировке чутья шли непрерывно.

Реакция пришла мгновенно и автоматически. Мысль о правильности действий припоздала, а руки уже сделали. Зачем мне потребовалась защита, я сразу и не понял. Но уже в следующее мгновение снежный сноп окутал место моей засады. Я почувствовал изза стены тёмное вязкое присутствие когото. Он на чуток остановился возле меня и принялся. Я даже затаил дыхание, хотя это мне не помогло совсем, если бы меня обнаружили. Но мгновение прошло, и этот кто-то пошёл вперёд.

Сноп снега в одночасье обрушился, завалив меня. Я упустил контроль и рухнул с высоты кедра прямо в огромный сугроб.

Бежать дальше расхотелось. И я самовольно ушёл домой. Подходя к дому, в душе мучился, словно первоклашка: как и чем мне оправдаться изза прерванной тренировки? Не найдя никакого решения, решил всё рассказать как было.

Игнат сидел за столом и выстругивал что-то из дерева. Увидев меня в середине дня вот так растрёпанного, с ошалелым взглядом, он отложил баклушу и инструменты и вопросительно поднял брови. Мне ничего не оставалось, как всё ему выложить. Но прежде я рухнул на лавку, выпил черпак воды. Вкратце обрисовал случившееся событие.

Вот чего я не ожидал, так это такой реакции Игната. Он как-то сразу посерел, схватил тулуп и бросился из избы. На пороге остановился и пробасил:

— Без меня покуда не вернись — за порог чтобы не ходил. Понял? Двигайся в пределах деревни.

И уже в сенях тихо закончил:

— Надеюсь, сюда он не сунется, побоится. Помнит, небось, тот последний раз, — и выскочил из избы.

Я же с небывалым удивлением, в расстёгнутой фуфайке, так и остался сидеть на лавке.

Василиса с того дня, как побывала у бабки Агафьи, преобразилась. Наутро она встала уже другим человеком: щёки пылали румянцем, глаз горел любопытством — народилась девка. Попрошавшись с Агафьей, по утреннему морозцу она бодро зашагала к себе в избу.

По дороге встретила Игната. Волхв степенно остановился, пропуская её. Василиса, в свою очередь, низко поклонилась ему:

— Доброго здравия!

— И тебе не хворать, Василиса! — густой бас заполнил утреннее пространство. — Куда так рано бежишь?

— Да вот задержалась у Агафьи. Нужно домой ворочаться.

Игнат нахмурился, сделав зарубку в памяти зайти до Агафьи.

— А что ж ты, дитятко, не заходишь к родному дядьке?

У Василисы ярко зарделись щёки от смущения.

— Да как же... Собиралась вот на днях. Да сказывали, ты взял ученика к себе. Заниматься. Не хотела мешать.

— Ну да, ну да. Ох, озорница, выкрутилась, — пожурил её Игнат. А у самого глаза смеялись. Василиса немного успокоилась. Но тут у дядьки опять взгляд суровый стал. Он взял легонько племянницу за локоток и сказал так, чтобы селяне, которые стали уже появляться на улице, слышали:

— Пойдём, племянница, я провожу тебя. А то ты на вид не совсем здоровая что-то. Ещё хвороба, видимо, не совсем прошла.

И, подтолкнув Василису, они медленно направились в сторону её дома. Все, кто им встречался, степенно кланялись и опускали глаза в благоговении. Василиса улыбалась и подбадривала людей. Игнат хмурился и кивал. Нечасто волхв вот так разгуливал по деревне. Обычно его не было видно: то странствия какие-то, то дома сидел, людей принимал.

Дойдя до калитки Василисиного дома, Игнат остановился. Кивнув очередному соседу, повернулся к племяннице так, чтобы увидеть её глаза:

— Просьба у меня будет к тебе, Васёна. Да не простая просьба. Если бы не обстоятельства, не обратился бы. Поскольку сопряжена эта просьба с большой опасностью.

Глаза Василисы распахнулись. Она поклонилась волхву и тихо промолвила:

— Сказывай, всё сделаю. Как можно отказать тебе, дядечка!

Игнат облегчённо вздохнул. Он готовился к длительному убеждению племянницы. Ведь уродилась она с характером его покойной сестры: строптивой, упрямой, всегда на своём настаивала Марья. Хоть и оказывалась права, непросто было Игнату с ней. Вот и дочь такая же выросла: как зайдётся, так и приходится подчиняться. Хоть и возрастом велик.

Они присели на завалинку возле ворот.

— Вот, значит, племянница, нужно мне, чтобы проводила одного человека в УД к чародею Благояру. Срочно его провести нужно.

Василиса с весёлым прищуром да озорством посмотрела на Игната:

— Не своего ли ученика отправляешь, дядечка?

— Его, а то кого же. Да нет в нём ещё опыта. Сила есть, а опыта не набрал. Ходит по интуиции пока.

— А не рано ли решил отлучить? Всего-то месяц учиться.

— Ох, Васёна, всё-то ты знаешь, — ткнул в бок её Игнат. — Я уж заметил, как ему помогало. Понравился, что ли?

Внимательный взгляд волхва проник в душу девушке. Она только и смогла чуть открыть рот, и парок лёгким облачком ушёл ввысь.

— Занятный парень, — после непродолжительной паузы, чуть с придыханием, ответила Василиса. — И ты прав: сила в нём небывалая, просто ещё спит она.

— Ну наконец-то, — усмехнулся Игнат. — Я уж и не мечтал, что суженого найдёшь себе. Василиса совсем была смущена: пылая щеками, уткнулась в варежки.

— Ну что ты, ну что. Кому, как не мнесто радоваться. Одна ты у меня, — он обнял её и притянул к себе.

Так они сидели тихо, не замечая чужих взглядов и уходящего времени. Время шло, солнце гуляло по небосводу. Игнат молча наблюдал за его движением, и неожиданно чёрное перо огромных размеров пронеслось по небу, затмило солнечный диск. На улице сразу посерело, и острые иголки холода стали впиваться в тело через одетый тулуп и полушубок. Игнат встрепенулся, прошептал что-то, и перо растаяло, стало оседать, как дым от костра.

— Не к добру это, дядечка, — Василиса подняла голову.

— Что-то наступает, дитяtko. Давно это замечаю. Поэтому мне и надо, чтобы ты проводила Евсея. За ним уже Морок приходил. Он парень сообразительный — увернулся. Но пока не понимает он, куда судьба его втянула. А я раньше времени рассказывать не хочу. Это вотчина Благояра.

— Значит, так тому и быть, дядечка! — поднимаясь, сказала Василиса. — Пора мне. Или заходи, коль хочешь.

— Нет, племянница. Пойду ещё по лесу похожу, да к ученику надо. Онто в растерянности сидит дома. Хоть малость приоткрою ему истину.

Игнат медленно поднялся. Василиса поклонилась ему и зашла во двор, а он медленным, степенным шагом отправился к околице.

Глава 6

Снег весело скрипел под ногами. Я, бодро передвигая ногами, практически бежал в указанном направлении. Когда Игнат так скоропостижно убежал из дома, я прокукувал один почти три дня. И вот вечером вчера он наконец появился дома. Грузно опустившись на лавку, бросил в меня тяжёлый взгляд и промолвил:

— Морок активизировался. Третьего дня ты как раз с ним встретился, — он поднял руку, предвосхищая мой вопрос. — Морок — это слуга и приближённый Чернобога. Знаешь, кто такой Чернобог?

Я медленно покачал головой. Игнат продолжил:

— Чернобог не был рождён подобно другим богам. Он пришёл из другого мира в наш мир. В давние времена, которые я не помню, а только знаю по летописям, люди прилетели на планету. Жили тогда мирно, не зная вражды между собой. Душа человеческая жила и развивалась, познавая всё новые уровни. Но ведь всегда так бывает, что лес растёт на благо его обитателям. Наступает момент, когда рождается тот, кто первым ломает палку. Вот такой момент настал для людей, которые тогда жили. Чернобог вторгся в пространство. Тогда всей жизнью руководили старейшины. Чернобог выставил требование. Он потребовал дать ему пространство для жизни. Старейшины ответили отказом. Началось противостояние. Оно было длительным, с потерей множества людей. Не один год оно шло. Часть земель пала и была захвачена. Эти земли затянуло чёрной мглой, мы не могли контролировать жизнь на той территории.

— Почему именно мы? — я встрял с вопросом.

— Чернобогу некуда было расширяться в своём пространстве. Он покори́л его. А он жаждал власти. Видимо, в других вселенных ему дали отпор. В летописях об этом не упоминается.

— Расскажи о порождениях бога, — попросил я.

— Чернобог стремился повторить чудо создания. Он создал душу. Но она была искусственной, без «божественной искры». Так вот. Война, развернувшаяся в нашем пространстве, всё равно когда-то должна была закончиться. И заканчивалась она не в пользу вторгнувшейся стороны. Тогда Чернобог придумал уловку. Он выслал парламентариев нашему Совету, которые передали капитуляцию вторгнувшейся стороны. Но в последнем пункте он указал просьбу. Она заключалась в том, чтобы ему выделили малую часть земли для жизни.

Был создан Великий Совет. Он был долговременным и неоднозначным. В летописях об этом мало информации. Можно только догадываться о том, что там говорилось, но решение было принято. В назначенный день в Священном храме встретились все герои этого события.

— Разговор, как ты понимаешь, был не из лёгких для обеих сторон. Решение было описано в летописях вот так, — здесь Игнат закатил глаза, пошевелил немного губами, видимо проговаривая слова, и изрёк: — «Великий Совет вместе с представителями живущих после обсуждения принял решение ответить положительно на просьбу. Чернобогу будет выделен остров Кимано, находящийся у границ Западной воды. За пределы этого острова выходить ему запрещено».

Игнат замолчал и отёр пот со лба, как от тяжёлой работы. Я же, в свою очередь, не нашёл ничего не предвещающего угрозы миру, но решил молча ждать продолжения. Но продолжения не последовало. Я не выдержал и спросил:

— И что же дальше?

— Дальше? — как ото сна очнулся Игнат.

— Тебе пора, — только и сказал он и вышел во двор.

Лапа ели ударила меня по лицу, обсыпав снегом. Вот что случается, когда глубоко уходишь в воспоминания. Я нырнул под неё к стволу, чтобы отряхнуться и осмотреться. Отряхнувшись, неожиданно для себя увидел маленькую миниатюрную фигуру. Она стояла спиной ко

мне: яркий полушубок и платок контрастировали с тёмными сапожками и тёмносиней юбкой. Длинная толстая коса заняла своё место точно по позвоночнику. Она ещё мгновение постояла и резко развернулась к ели. У меня перехватило горло от неожиданности. Это была девушка из моих снов. Она мне иногда помогала в учёбе, когда я терялся. Почемуто я всегда воображал, что её образ — просто плод моего сознания. Так сказать, образ, который я для себя создал.

И вот так неожиданно встретить её в реальности! Она была крайне встревожена, было видно, что она что-то искала. Сомнения мои уничтожились полностью, и я решительно вышел на тропинку. Она тотчас обернулась и улыбнулась, от чего на щеках появились ямочки, а васильковые глаза загорелись каким-то странным светом.

— Здравия, молодец! — голос прозвучал звонко и в то же время мягко в тишине леса.

— И тебе не хворать, девица! — я также поклонился.

— Заблудилась, что ли? — спросил я.

— Видимо так. Наверно, просчиталась поворотом. И вот не знаю, как дойти до Шишки. Не укажешь ли дорогу, молодец? — она вопросительно посмотрела.

— А чего ж не указать? Могу даже проводить, коль не буду тебе докучать своим присутствием.

Девица улыбнулась и лукаво посмотрела:

— Ну что ж, проводи. Вдвоём дорога короче будет.

Я лишь усмехнулся. Сверившись с картой, которую запомнил, двинулся, обойдя неожиданную спутницу, по тропинке. Тропинка, если можно было так назвать еле приметный звериный след, плавно вилась и плутала. Я мало обращал внимание на свою спутницу, только изредка оборачивался узнать, не отстала ли она. И всегда встречался с лукавым взглядом и весёлой улыбкой.

Мне надо было дойти до деревни Шишка и, не заходя в неё, отклониться в сторону — там, в чащобе, оканчивался мой путь. Как сказал Игнат: дойдёшь — поймёшь, что дошёл. Как увидишь врата — прыгай в них. Замешкаешься — ещё два месяца надо будет ждать открытия, или идти своим ходом, а это почитай полгода до конечного пути. Если не успею, мне нужно было прийти в Шишку и послать весточку Игнату — тогда он вышлет провожатого. Все эти мысли захватили моё сознание, и я практически не обращал внимания на местность, полагаясь на свои приобретённые навыки и инстинкты.

И как оказалось — совершенно напрасно. Когда я очнулся, было поздно: нас окружили. Размытые силуэты мелькали по периметру. Мысли завертелись с бешеной скоростью в моей голове. Но к моему огромному удивлению, пока я раздумывал, на уровне невидимых ощущений появилось движение в виде вихря. Этот вихрь усиливался, забирая в себя всё больше пространства вокруг. И только после тридцати секунд этих ощущений я заметил движение. Осознание пришло намного позже. Моя спутница, подбоченясь, с платком в руках кружилась, танцуя по линии размытых фигур, за ней шлейфом шёл сам вихрь. Он искрился, вбирая в себя серебряные хлопья снега, создавая мерцающую пелену. Фигуры бросались на неожиданное препятствие, слышался треск.

— Что стоишь, пень трухлявый? — донеслось до моего сознания. Я вперил взгляд в девицу. Правильно — именно она мне бросила эту фразу.

— Простите? — только и смог вымолвить.

— Ах, уж точно недоросль. Прыгай уже, — опять сердито бросила она мне. Я стал оглядываться, куда я должен прыгать, ничего не понимая.

— Вот пень трухлявый! — разозлилась девица. — Прыгай на пелену. Я долго их сдерживать не смогу.

Тут я наконец понял, что делать. Схватив рюкзак, который по неосознанности бросил в снег, сиганул на мерцающую завесу. Девица обернулась трижды и последовала за мной.

Глава 7

Мерцание усилилось. Хотя повсюду не было темноты, искорки чётко выделялись, свободно двигаясь в пространстве. Голова была пустой и звонкой. Евсей поднялся. Рядом пространство пошевелилось, привлекая его внимание. Он всмотрелся — оказалось, что мерцающие искоркильдинки скатывались с большой серебристой пластины. Отодвинувшись, он наконец разглядел огромный чешуйчатый хвост. Он плавно двигался вверх и вниз и стряхивал в пространство мерцающие льдинки. Внутри заворачивалось любопытство.

Решение пришло само собой. Евсей решительно направился вдоль тела. Оно оказалось огромным и какимто растянутым. Пространство было однотонным, похожим на упругое облако. Чем ближе он подходил к морде животного, тем пространство окрашивалось в краснооранжевые тона. Жар усиливался, но не обжигал, а давил: был густым и липким. Проникал внутрь и не давал дышать, смотреть, сковывал движения. Было ощущение движения в киселе.

Чем тяжелее становилось, тем решительнее становился Евсей. Собрав все внутренние ресурсы, он продвигался вперёд. Но запас силы был не бесконечен, и при всей его решимости наступил момент, когда силы иссякли. Он остановился. Неожиданно рядом с ухом кто-то фыркнул, и лязгнула челюсть, обдав его жаром. Не устояв, он рухнул, но был подхвачен чемто упругим.

В следующее мгновение пространство явило ему морду дракона — она переливалась красными оттенками. Зелёные глаза с вертикальными зрачками осматривали свою добычу. Морда приблизилась и обдала Евсея паром.

«Идентифицировал», — неожиданно понял Евсей. И сразу пришло спокойствие, напряжение спало, он расслабился, предоставляя судьбе течь, как она того пожелает.

— Живой, — пространство вобрало в себя глубокий голос вместе с удивлением. Евсей рухнул вниз.

— Не оченьто вежливо. Сначала хватают, потом бросаешь.

— Что делает живой в пространстве ожидания? — голос окутал всё пространство.

— Кто ты, чтобы задавать вопросы?

— Ты наглый, человек! Но ты мне нравишься, что случается не так часто, поэтому я отвечу на твои вопросы.

— Где я? — Евсей осмотрелся. Пустое пространство с мерцающими льдинками было вязким и упругим одновременно.

— Ты в Драконьей башне, — последовал ответ. Морда дракона высунулась, пыхнула паром, окутав Евсея разреженным облаком.

— А ты кто? — Евсей рассматривал дракона. Морда была вытянута и покрыта маленькими переливчатыми чешуйками, глаза переливались от жёлтого до зелёного цвета. Пасть постоянно клала.

Плотность пространства утончилась и рассеялась. Евсей смог лицезреть всё существо. Дракон, как и подобает, был огромного роста, с упитанным телом и мощными лапами. На спине красовались два огромных крыла. Сейчас они были сложены и возвышались, как огромные горбы, словно это был не дракон, а верблюд.

— Я — наблюдатель.

— А имя бывает у драконов? Или вы отличаете себя подружому?

— Карракс, — пророкотало пространство.

— Звучит значительно, — усмехнулся Евсей. — А я...

— Я знаю, кто ты, — пророкотал дракон. — Зачем ты здесь?

— Чтобы понять.

Дракон обдал паром Евсея и замолчал. В тишине слышалось лязганье и фыркание.

— Твоя ошибка, человек, что ты мыслишь логически. Логика хороша для обыденности бытия, но ты ведь ступил на тропу вечности. Здесь твоя логика не работает.

Евсей задумчиво покачал головой.

«Хм, изменить мышление. Это кардинально меняет видение происходящего со мной», — размышлял он.

— Это сложно сделать, — наконец ответил он дракону.

— Человеки... — печально вздохнул дракон. — Вы считаете себя наивысшим созданием, а в действительности не можете элементарного. — Пар окутал Евсея. — Перестань размышлять логично, поломай стены лабиринта своего мышления и начни мыслить образно. Допусти, что всё невозможное для тебя не только возможно, но и реально.

— Легко сказать разрушь стены, посмотри шире. На это может уйти вся жизнь и ничего не получится, — Евсей почувствовал досаду, потом нарастающее раздражение. Он сел и, скрестив ноги, стал размышлять.

«Не зря я сюда попал. Ведь в жизни всё не зря. Следовательно, это мой урок. Что там наш наблюдатель сказал? Надо признать, что невозможное возможно. Что для меня было недопустимо?» — Тут Евсей усмехнулся, ведь это сейчас происходило с ним. Он никогда не мог допустить не только существование драконов, но и встречу с ними. Он был полностью прагматичным и материальным человеком. Ко всему остальному относился как к сказке. Сейчас же жизнь его вывернулась наизнанку, показав, что всё реально: и драконы, и волшебники, и высшие существа с обеих сторон. Неожиданно для себя он понял, что это его уже не смешит. Как раньше, пришла серьёзность, лёгкость отошла в сторону, уступив место ответственности за свои поступки и последствия от них. Он начал чувствовать себя естественно, словно он является той недостающей частью этого мира, которая когда-то потерялась. Нерешительность ушла, пришла ясность понимания, чёткость задачи.

Дракон пошевелился и фыркнул. В этом безмолвном возгласе слышалось большое удивление. Евсей открыл глаза и...

Пространство изменилось из молочнобелого в прозрачно текущее и постепенно рассеялось. Евсей оказался в огромном помещении. В центре вольготно располагался громадный дракон, остальное терялось в полутьме.

— Ничего себе, — озираясь, только и сказал Евсей. — Масштабно.

Дракон только многозначительно выдохнул пар и грохнул тяжёлым хвостом. Евсей прохаживал по помещению, рассматривая его.

— Я так понимаю, это что-то вроде хранилища, — гдето из полумрака послышался его голос. Карракс только презрительно фыркнул.

— Хранилище... — разразилось пространство его голосом. — Мелко берёшь, Призрак. Ты попал в место, где собрано всё.

— В таком случае я бы хотел узнать по своему вопросу.

Дракон лишь стукнул хвостом и отвернулся.

— Призраки все такие наглые? — пророкотало пространство. — Где ваши манеры? — уже тише сказал Карракс.

— А ты видел много Призраков?

— Ты на моей памяти не первый. Правда, поиздержался род Призраков — всё мельче и мельче становишься.

— В чём это выражается? — Евсей вышел в пятно света, где лежал дракон.

— Быстро вас стали устранять. Нет в вас былой силы и величия. Так, тень подобия тех хранителей, что были до коле, мир не переписали.

— С этого места поподробней, пожалуйста, — Евсей удобно устроился возле хвоста.

— Закрытая информация, — пар из ноздрей облаком поднялся вверх.

— И для Призраков?

— Для них — нет. Но ты не Призрак, — опережая следующий вопрос, закончил дракон. Как странно, подумал Евсей: сначала мне все твердят, что я это он, но вот приходит огромная рептилия — и я уже никто.

— Зачем тогда я здесь? — после паузы спросил он.

— Чтобы стать им, — прогрехотало пространство. Дракон сверкнул золотым глазом, дёрнул хвостом, от чего Евсея подкинуло в воздух, а когда он опустился вниз, окутало потоком пламени, извергающимся из пасти.

Глава 8

Чернота ночи стремилась, ввысь мерцая льдинками которые непрерывно падали на землю. Холод сковал земной покров, не давая перспектив для компромисса. Евсей открыл глаза там, где он лежал, была прогалина черной земли в остальном повсюду лежал искристый покров нетронутых снега. Он сел, первая мысль, что пришла в его голову было, что он бредил. Не было никакого дракона, величественного архива, пламени. Ему все привиделось.

Но уже через несколько мгновений Евсей увидел перед собой, как пространство стало растекаться, как кисель и на этом месте появилась капля огня. Она была вязко текущей, при этом из неё постоянно вылетали снопы огня, рассыпаясь в окружающем пространстве. Огонь стал увеличиваться, при этом поедая ближайшее пространство и озонируя. Это процесс настолько увлек Евсея что он пропустил момент когда рост прекратился и капля открыла глаза. Да, да как это было неудивительно, газа смотрели прямо на него и выражали крайнюю заинтересованность.

После того когда она насмотрелась на него капля показала язык и пыхнула. В воздухе послышался громкий хлопок, и языки пламени резко взметнулись, вверх рассыпаясь на мелкие язычки. Они плясали по пространству не выходя за пределы прогалины. Евсей усмехнулся, представление удалось. Оно захватило и заинтриговало его. Язычки пламени хаотично двигались в только им понятной последовательности и опять собрались в единую общую каплю которая поразмыслив превратилась в подобие маленького человечка с огненной прической. Он взъерошил свою шевелюру рассыпая искры и уставился на Евсея.

- Ты кто? - Евсей подтянул ноги и уселся поудобней. До начала рассвета было еще далеко, мороз всё сильнее сковывал землю снег уже валил огромными хлопьями только прогалина, где сидел человек, и язык пламени была черна нагревая воздух в её пределах.

- Ты кто, ты кто, ты кто? - Передразнил огонь.

- Что молчишь, молчишь, молчишь? - Добавил он. Евсей потянулся, чтобы дотронуться до огня. Пламя пыхнуло жаром, рука произвольно дернулась, избегая ожога. Но как оказалось, жар прошел сквозь кожу став естественной частицей человека. Евсей удивленно рассматривал руку.

-Как это? - Он посмотрел на пламя.

- Как это, как это, как это? - Опять передразнил огонь.

- Накажу! - Потряс пальцем Евсей. Огненный человек обиделся, показал язык и отвернулся.

Евсей встал, потянулся, разминая затекшие мышцы, наблюдая за снегом. Снежный покров уже достиг ему колен, пора было двигаться. Вот только он не знал, куда и что ему теперь делать. Там на горизонте было видно едва заметное свечение. Угадывался большой торговый город Уг куда ему предназначалось прибыть. Но вот было у него ощущение играть по своим правилам, а не по тем, что указали ему. Поэтому он решил появиться тихо и без пафоса.

Василиса сидела в просторном зале ожидая, когда её дядюшка испросит разрешение о встречи с правителем города. Вот уже третий день как она оказалась в городе, здесь не чувствовалось никакой надвигающейся угрозы, люди жили зажиточно и весело. Через неделю с небольшим должен был наступить праздник Зимнего Солнцестояния, в городе велись приготовления к нему. Съезжались торговцы к ярмарке, украшались улицы, репетировались народные гуляния. В городе было множество народа. Её появление для старшего дяди Благояра оказалось неожиданным. Это было несколько странно. Но свои сомнения она оставила при себе.

Рассказав все, что просил её волхв, она надеялась вернуться домой, но дядя сказал, что всё это она должна повторить правителю. Сейчас это было сделать затруднительно, поскольку в

праздники у правителя Уга день был расписан поминутно. И уже третий день она просиживала в зале ожидания.

Открылась дверь, пропуская высокого тучного мужчину он кланялся, натянув фальшивую улыбку, а когда повернулся глаза блеснули жгучей ненавистью. Он скомкал меховую шапку и быстро вышел.

Василиса так и осталась сидеть с ошеломлением в глазах. Ей показалась на мгновение что это не её дядя. Прошло четверть часа, как неожиданно он вернулся. Уже со своей неизменной улыбкой непринужденно, но требовательно взял Василису под локоть, и повел к выходу. Её вопросительный взгляд уперся в него, но столкнулся с безмолвной стеной. Им не хватило трёх шагов до выхода, как дверь в покои правителя отворилась, вышел высокий старец и на весь зал произнёс:

- Благояр куда ты повел девушку? Мы же сказали привести её? - Благояр медленно повернул голову и произнес.

- Зачем, я же всё рассказал. Что еще нужно Вам. - Благояр во время речи перехватил племянницу за талию, не давая ей вырваться, поставил перед собой как щит.

- Подумай хорошо Благояр.

Василиса неожиданно поняла, что это не шутка и что её дядя в любой момент может пойти на преступление. Внутри всё замерло, ведь они семья как он может. Она перевела взгляд на старца. Тот уже прошел половину пути и был в середине зала там, где она ожидала приема несколько минут назад.

Внутри все похолодело, когда она почувствовала кольцо темного Морока на своей талии. Оно леденило и отбирало жизнь, и силы, словно холодная змея медленно ползла вверх. Те не многие посетили которые присутствовали в зале, замерли в ожидании того что должно было произойти.

- Отпусти девочку. - Неожиданно послышался мягкий мужской голос. Позади старца показался высокий мужчина, его серые пронзительные глаза смотрели на её дядю. Было непонятно, что этот взгляд выражал. Благояр отвернулся, но Василису не отпустил.

- Дядя что с тобой, я не верю, что ты обратился. Это просто невозможно. - Тихо произнесла Василиса.

- Не тебе судить девочка. Не твоего ума это дело. Мала еще влезать во взрослые игры. Если бы ты не пришла, не пришлось бы вот тут стоять. Зачем ты пришла? - Его голос стал пустым как полый сосуд.

- Дядя одумайся, - продолжила тихо Василиса. - Ты же понимаешь, что я не стану просто стоять.

Тут неожиданно Благояр рассмеялся, она вздрогнула, смех прозвучал как то зловеще в огромном помещении зала.

- Да ты видимо возомнила себя великой чародейкой. Ты девочка в своем то уме.

При всей сложившейся ситуации Василиса почувствовала разгорающийся огонь гнева. Ой, как не вовремя. Хоть бы не перейти границы, а то потом придется восстанавливать зал.

Закончилось эта ситуация неожиданно для всех участников над головами Василисы и Благояра пространство разорвалось, появился огненный шар. Изменив форму шар преобразовался в огненную веревку и обвинил Белояра расцепив их пару. Василису откинуло в сторону остатки темного кольца бусинами скатывались вниз. На поясе Василисы начали искриться льдинки они нитками спадали вниз и вскоре вся юбка была покрыта паутинкой мерцающих льдинок.

- Это то на что бы способен, Колояр. - Дядя бросил взгляд поверх всех на правителя Уга, - как то мелко для тебя.

Правитель стоял, неподвижно наблюдая за происходящим. Еще раз, усмехнувшись Благояр неожиданно для всех превратился в фигуру темного дыма, огненная веревка рассыпалась

искрами и мерцающая разлетелась по залу. Но опять случилось, то, что не ожидал никто прямо перед темной фигурой пространство просыпалось лепестки самого естества. Они падали, изящно переливаясь золотом с примесью стали, хаотичное падение завораживало и гипнотизировало одновременно. Движение в зале замерло, в туманной дымчатой фигуре процессы замедлились. Мгновение, еще и еще и хаотичное падение изменилось. Лепестки образовали, вихрь сквозь него проступила человеческая фигура, она была высока, человек осмотрел пространство зала, поклонился Правителю, чем вызвал неимоверное удивление, а затем, развернувшись к противнику, сдул с ладони лепесток.

Сорвавшись с ладони лепесток, удлинился в длинную рапиру и молниеносно вонзился в темный туман.

Крик боли разлился, возносясь в небеса. Туман уплотнился и выплюнул переливчатый лепесток и, капая черной кровью, растворился. Мгновение и фигура в лепестках также распалась, как будто ничего и не было. Еще какое-то время зал пребывал в тишине, а потом взорвался разными шепотками.

- Свершилось! - Слышалось со всех сторон. Люди, поддерживая друг друга, громким шепотом обсуждали недавние события. Совершенно не обращая внимания на то, что некоторые участники еще находятся среди них. С улицы грянул удар большого колокола, извещая, что наступил полдень. Посетители медленно потянулись на улицу.

Высокий старец, обменявшись взглядом с Правителем, подхватил Василису под руку. Она так и продолжала стоять, пребывая в глубоком шоковом состоянии. И проводил в боковую дверь, которая бесшумно за ними закрылась. Зал опустел.

Глава 9

Идти, когда снежный покров по колено и ветер тяжело, — непросто, но что мог сделать Евсей? Оставаться на месте у него уже не было времени. Он неожиданно для себя ощутил внутренние часы. Они медленно и неустанно отбивали своим маятником то отмеренное время, что ему было дано. Откуда ему пришло это знание, было неизвестно, но то, что маятник начал своё движение, Евсей чувствовал.

Какой следующий шаг — этого он тоже не знал. В голове смешалась каша из той информации, что уже была известна, и того неуловимого чувства предчувствия, что окутывало его, словно плащ. У него было ощущение, что он плавает в пространстве, сталкиваясь с глыбами, но никак не может зацепиться. Чтобы понять, куда двигаться, надо стать в начальную точку, ощутить твёрдость дороги ступнями и видеть хотя бы часть пространства.

Капля огня висела рядом или рассыпалась искрами по снегу и постоянно что-то бубнила о своём недовольстве. Евсей уже смирился со своим странным собеседником и мало обращал на него внимания, полностью погрузившись в свои мысли. Снег стал редеть, горизонт из тёмного превратился в серый — скоро должен был наступить рассвет. Поле, по которому они передвигались, подошло к концу. Из пелены снега неожиданно выросла околица. Огонь вспыхнул радостными искрами и рассыпался по ближайшим колям. Евсей остановился в задумчивости: куда идти?

— Что встал, встал, встал? — капля огня преобразилась в человека и плясала, корча ему рожицы.

— Будет бой, бой, бой! — опять выдавила из себя дразнящаяся капля.

— Что ты мелешь? — разозлился Евсей. — Какой ещё бой? Я не буду ни с кем драться. Я не за этим пришёл.

Капля на это только плевалась искрами и бешено плясала вокруг него.

— Надо найти его, его, его!

— Кого надо найти? — Евсей уже порядком устал от движения огня. Огненный человек стал его раздражать.

— Мальцацаца! — опять выплюнула капля.

Усталость пережитого как-то неожиданно опустилась на плечи. Его будто привалило камнем: стало тяжело дышать, мышцы одряхлели, ноги сами по себе подогнулись, и он сел, опершись о кол.

— Всё, — с тяжёлым выдохом бросил он пространству. — Приехали. Отдохну чуток, потом двинемся.

Огонь от всего этого раздулся от негодования и стал плевать огоньками пламени — они разлетались по округе, падая в снег, угасали с шипением.

— Что, съел, огнедышащий? — усмехнулся он. — Если хочешь, чтобы двинулись дальше, давай рассказывай. Подозреваю, что не зря ты плетёшься со мной. У тебя есть и задание, и инструкции. Так что выкладывай без промедления. А не то вернусь в архив, пожалуюсь вашему «папеньке» чешуйчатому. И тогда тебе не сдобровать.

После упоминания дракона все капля взорвалась гневными искрами, показала язык и демонстративно села спиной на дальнем колу.

— Ну, как знаешь, — сказал Евсей и, поудобнее привалившись к колу, закрыл глаза.

Серая полоса горизонта стала ярче и проступила сквозь пелену снегопада. Ожидание продлилось недолго. Как и предполагал Евсей, живая натура огня прорвалась наружу. Оставив огненный сноп на колу, после чего он стал обугливаться, и, приняв человеческий облик, капля повисла перед человеком. Образовав себе подобие кресла, огненный человек удобно устроился в нём и соизволил начать беседу:

— И не думай, что я поверил, что ты вот так взял и уснул в ожидании чуда.

— А что, совсем не похоже, что я сплю? — Евсей сощурил глаза с озорством.

— Итак, — в голосе огня начал сквозить деловой тон. — Начинай спрашивать.

Евсей удивлённо поднял бровь. Усмехнувшись, он поднялся, отряхнул снег и облокотился о жердину.

— Как твоё имя? — последовал вопрос.

— Агний, — имя взлетело ввысь и вспыхнуло искрами.

«Уже что-то», — подумал Евсей.

— Твоё задание?

— Я твой помощник, друг, транслятор информации. Ведь посещение архива — это трата энергии.

Евсей удовлетворённо кивнул: хоть что-то полезное досталось от чешуйчатого.

— И... — Евсей многозначительно протянул и сделал паузу.

— Ты всё узнаешь, когда мы найдём Мальца. У него схоронено всё, что осталось от твоего предшественника.

— Куда идти? — Евсей вопросительно посмотрел на Агния. Он про себя так его окрестил. Огонь мигнул, взорвался и пропал, через мгновение появился впереди и понёсся, показывая дорогу. Евсей выругался про себя за такое рьяное рвение помощника и бросился за ним. Что было проблематично: снежный покров значительно увеличился, да и видимость была ужасной. Но недавние лесные тренировки начали давать свои результаты.

Малец оказался здоровенным детиной с косой саженью в плечах. Он как раз наполнял поленницу, когда мы вынырнули из пелены снега возле его забора. Калитка скрипнула, пропустив нас во двор. Хозяин развернулся и посмотрел недобрым взглядом в сторону гостей. При таком великом росте черты лица оказались мелкими: под кустистыми бровями бегали маленькие глазки, отражая внутреннее недовольство миром. Нос был тонкий, под ним был маленький рот. Природа подшутила над человеком, наделив мужчину скорее женскими чертами. Видимо, это была одна из причин такого приёма гостей.

— Чего надо? — сипло прозвучал его голос в снежном тумане. Он повернулся, перебрёл топор в другую руку и уставился на Евсея.

— Мы возьмём, что оставили, и покинем тебя.

Огонь взорвался искрами.

— Ничего у меня нет. Проваливайте отсюда, а не то... — Малец стал свирепо надвигаться на них. Евсей лишь вздохнул и махнул рукой. На следующем шаге мужчина застыл с занесённым вверх топором.

— Ууу! — прогудел Агний, тем самым высказывая одобрение.

— Бери что надо, — раздражённо сказал Евсей, — и пошли.

Ему было неприятно, что приходится вот так действовать. Он считал, что умения применять надо в дело, а не останавливать идиотов.

Огонь заметался по пространству, ища только то, что он знал. Евсей стоял возле калитки и внимательно наблюдал за хозяином. Время истекло, движения постепенно возвращались. Огонь возник из ниоткуда возле поленницы и призывно замигал, приглашая его подойти. Мягко ступая, словно кот, Евсей обошёл хозяина и приблизился к дереву.

— Он там, — и Агний устремился к земле под дровами.

— Ты предлагаешь мне перенести дрова? У нас осталось меньше минуты.

Огонь плюнул снопом искр в сторону человека. Евсей вскинул руки и поднял поленницу — под ней оказался люк. Огонь стремительно бросился на него и с треском взорвался, куски обугленного дерева разлетелись по двору. Из зияющей черноты прохода выплыл обычный рюкзак.

В этот момент мимо пролетел топор. Евсей отпрянул и устремился по дуге к калитке. Пытаясь не столкнуться с разъярённым хозяином, огненного человека это почемуто смешило: он трясся и рассыпал повсюду искры.

Перекинув рюкзак через забор и последовав за ним, Евсей оказался на улице, но от хозяина дома не так легко было избавиться. Он вылетел на улицу, бешено вращая своими маленькими глазами и с занесённым топором. Это было настолько комично, что Евсея разобрал смех. Это было так не кстати, но удержаться было невозможно. Его реакция ошеломила Мальца — тот даже остановился.

Это позволило выиграть пару секунд. Огонь прорвал пространство, неожиданно осыпал человека пламенем, и оба они исчезли в снежном тумане.

Глава 10

Искры рассеялись, Евсей оказался в бревенчатом доме. В горнице было тепло на полу расстелены дорожки из циновки, посередине стоял большой стол возле стен разместились добротные лавки. Евсею хватило пару секунд осмотреться он подошел к столу, бросил рюкзак, перед глазами всё поплыло, он пошатнулся. Но тут, же это ощущение пропало, как будто его не было. Он опять вышел в сени сбросил верхнюю одежду вернулся, и упал без сознания внутри скрутилась спираль боли, он провалился в мир пепла и сам стал пеплом.

Вокруг был пепельный воздух, пепельная земля, да и он сам. Лепестки пепла, крутились каждый в своем неповторимом танце, при этом ощущалась единая связь между ними. Прислушиваясь к самому себе, он сделал вывод, что ничего необычного не ощущает. Он подвигался, целостность тела не изменилась.

- "Что же теперь? Новые знания или же новый уровень?"

Пелена пепла разошлась как занавесь в театре на сцене появился новый герой он просто появился в пространстве далекой точкой а через мгновение был рядом, мужчина. После его приближения занавесь пепла сомкнулся.

- Приветствую, вновь Рожденного! - Бодро произнес мужчина. Его сочный бас разлился терпкой волной по пространству, и лепестки потянулись к нему и тут же отпрянули.

Евсей сдержанно кивнул в знак приветствия.

- Узнаю, узнаю сдержанность подателя мира. - Усмехнулся незнакомец. Евсей снова не отреагировал.

- В прошлый раз ты мне отдал на сохранение, - незнакомец перекинул трость из руки в руку, неизвестно откуда появившуюся, и подал Евсею мешочек.

Он, молча, принял его прикрепил к поясу, кивнув в знак признательности. В следующий миг кружева силы натянулись, их напряженность прошла волной по всему телу. Мужчина это тоже ощутил. Лицо его с ироничного стало серьезным он перевел взгляд на Евсея и произнес:

- Пришло время вмешаться тебе в кружево пространства, вновь Рожденный. Посмотрим, каков ты в деле.

И тут же растаял в пепле, Евсея же поглотило облако неизвестно откуда появившееся воздуха.

Частички пепла рассыпались, картина резко изменилась перед ним оказалось большой куполообразное помещение, где находились Правитель города и посетители. На них Евсей бросил взгляд мельком, внимание его приковала пара, стоявшая перед выходом. В сердце вонзилась раскаленная спица, Евсей узнал васильковые, большие глаза девушки.

- Не самое хорошее время для вмешательства. - Неожиданно рядом раздался сочный бас незнакомца.

Евсей остановился в нерешительности, в нем боролись два чувства: ответственность перед миссией и нестерпимое желание защитить девушку. Незнакомец с любопытством наблюдал за этой борьбой. Тем временем в зал стремительно ворвались приспешники потустороннего. Соппротивление девушки стремительно угасало. Надо было принимать какое-то решение.

Перед Евсеем появился Агний, он мигнул тут же исчез, и появился уже там внизу огненная веревка обвила мужчину, отделив от девушки тем самым ослабив его влияние.

Огненная верёвка впилась в Благояра, стянула руки, обвила грудь и придавила к полу. Агний вцепился в него с остервенением, которого Евсей у огонька прежде не замечал. Пламя гудело, выбрасывая снопы искр, те падали на каменный пол и шипели, словно змеи. Благояр дёрнулся, его тело выгнуло дугой, рот открылся в беззвучном крике, но верёвка держала крепко.

Евсей стоял наверху, на выступе куполообразного зала, и смотрел вниз. Сердце билось где-то в горле. Василиса лежала на боку, откинута силой разрыва. Льдинки на её юбке тлели слабым мерцанием, словно остатки инея на утренней траве. Глаза её были закрыты, лицо белое, как молоко.

— Агний, держи! — крикнул Евсей и рванулся вниз по ступеням.

Он не успел сделать и трёх шагов, как Благояр сделал то, чего никто не ждал. Его тело расслоилось. Не разорвалось, не расколосось — именно расслоилось, словно стопка бумаги, сдуваемая ветром. Из него вырвались тени. Одна, вторая, третья — каждая обрела форму, каждая двинулась самостоятельно. Тёмные, дымчатые копии Благояра разошлись по залу, как щупальца осьминога. Огненная верёвка Агния обхватила пустую оболочку — то, что осталось от настоящего тела, а тени уже метнулись к Василисе, к Правителю, и к выходу.

Агний растерялся. Его пламя заметалось, он бросился за одной тенью, потом за другой, дразнясь и суетясь, как щенок, которого окружили кошки. Верёвка рассыпалась на отдельные нити, каждая попыталась ухватить свою тень, но тени были скользкие, вязкие, они уходили сквозь пальцы огня, как дым.

Евсей остановился. Внутри поднялось что-то незнакомое. Не страх, не злость — холодное, ясное ощущение, словно кто-то открыл дверь в комнате, где он никогда не был. Он посмотрел на зал и вдруг увидел его иначе.

Пространство купола предстало перед ним нитями, которые сплелись узором кружев. Нити тянулись от каждого человека, от каждого предмета, от стен и пола — тонкие, мерцающие, переплетённые в сложный узор. Каждый человек в зале был узелком на этом кружеве. Правитель — крупный, тугой узел, в котором сходились десятки нитей. Василиса — узелок поменьше, но светящийся, словно в него вплели лунный свет. Игнат, если бы он был здесь, — Евсей представил его как крепкий витой узел цвета хвои.

А Благояр — Благояр был чёрной дырой. Не узел, а провал, вытягивающий нити. Всё, к чему тянулись его тени, затягивалось, обрывалось, гасло. Тени-клоны были отростками этой дыры, маленькими воронками, каждая из которых голодно вытягивала чужие нити.

"Чтобы победить, нужно не уничтожить, — подумал Евсей, и мысль прозвучала не его голосом, а чьим-то глубоким, знакомым. — Нужно переплести".

Он не знал, кто это сказал. Может быть, пепельный голос из мира, в который его увёл незнакомец. Может быть, память отца, тёплым осколком сидящая где-то под рёбрами. Может быть, Агний, хотя Агний в этот момент носился по залу, выбрасывая искры и ругаясь на своём огненном языке.

Евсей поднял руки. Не сознательно — тело само знало, что делать. Пальцы раскинулись, и из них потянулись нити. Не огненные, не ледяные — тонкие, как паутина, мерцающие тёплым золотистым светом. Они вплелись в ткань зала, и пространство замерло.

Три удара сердца.

Всё застыло. Тени-клоны застыли в воздухе, вытянув тёмные руки к Василисе. Агний застыл, зависнув между двумя теньями, с открытым ртом и высунутым языком. Правитель застыл у стены, с рукой на поясе. Люди в зале — купцы, стражники, слуги — застыли в тех позах, в которых их застало мгновение. Искры от Агния застыли в воздухе, как звёзды.

Только трое двигались: Евсей, Василиса и — Евсей удивился — Агний. Маленький огонёк, оказывается, тоже не застыл. Он трепетал, как свеча на ветру, и смотрел на Евсея с чем-то похожим на уважением и восторгом.

Василиса открыла глаза. Васильковые, огромные, без страха. Она посмотрела на Евсея — и узнала. Не по лицу, не по голосу — по нитям. Их нити сплетались, тянулись друг к другу, переплетались так тесно, что казалось, они были одним целым, разделённым на две части.

— Ты, — прошептала она. — Ты из моих снов.

— Потом, — Евсей коротко кивнул. — Сейчас — он.

Он указал на чёрную дыру, которая была Благояром. Тени-клоны висели в воздухе, застывшие, как засушенные насекомые. Каждая тянула нить к чёрному центру. Евсей видел, как эти нити втягиваются, гаснут, исчезают.

— Я не умею, — сказал он. — Я не знаю как.

— Знаешь, — Василиса поднялась. Лыдинки на её юбке вспыхнули, образуя тонкий мерцающий панцирь, который покрыл её от пояса до колен. — Ты уже делаешь. Просто не думай. Делай.

Он увидел узор — тот, который должен быть. Чёрная дыра Благояра не должна была исчезнуть — она должна была вплестись. Найти своё место в ткани, как тёмная нить в светлом ковре, не разрушает, а дополняет рисунок.

Его руки двинулись. Нити послушно потянулись, обвивая тени-клоны, стягивая их обратно к центру, вплетая в основу. Василиса встала рядом. Она не касалась нитей, её лыдинки вспыхивали, и от них шёл холодный, чистый поток, который охлаждал раскалённые нити, не давая им перегреться. Он менял пространство — она направляла энергию. Не сговариваясь. Не глядя друг на друга. Дополняя друг друга.

Тени сопротивлялись. Чёрная дыра пульсировала, втягивая нити обратно, рвалась, билась. Евсей чувствовал её голод — она хотела поглотить, вобрать, стать всем. Но он плёл, и плёл, и плёл, и узор выстраивался, нить за нитью, тёмная рядом со светлой, не сливаясь, но и не разрываясь.

Время вернулось.

Три удара сердца прошло. Зал взорвался движением — стражники бросились к выходу, купцы попадали на пол, кто-то закричал. Тени-клоны втянулись в Благояра, как вода в песок. Огненная верёвка Агния вспыхнула ярко, успев в последний раз обвить тело, и рассыпалась золотыми искрами.

Благояр рухнул на колени. Его тело дрожало, изо рта тянулся чёрный туман — густой, вязкий, живой. Туман извивался по полу, как раненая змея, и устремился к трещине, которая появилась в каменной плите. Трещина была тонкой, как волос, но чёрный туман втекал в неё, как вода в водосток. Евсей бросился было перехватить, но Василиса схватила его за руку.

— Не надо, — сказала она тихо. — Он уходит. Пока — уходит.

Трещина затянулась. Камень сомкнулся, как кожа на заживающей ране. На том месте остался только тонкий шрам, еле заметный.

Зал затих. Люди поднимались с пола, отряхивались, испуганно озирались. Стражники переглядывались, не зная, что делать. Правитель Уга стоял у стены, неподвижный, и смотрел — но не на Благояра, не на Василису. На Евсея.

Евсей перевёл дыхание. Руки дрожали, внутри всё гудело, как натянутая струна. Агний подлетел, завис перед лицом, заглянул в глаза.

— У-у-у, — сказал он уважительно. — Неплохо, неплохо, неплохо.

— Помолчи, — Евсей отмахнулся.

Правитель сошёл со ступеней. Невысокий, сухой, с короткой бородой и цепкими тёмными глазами, он двигался мягко, как кот. Подошёл к Евсею, остановился. Долго смотрел — так смотрят на человека, которого искали всю жизнь и наконец нашли не там, где ожидали.

— Тринадцатый, — сказал он. — Наконец-то.

Евсей моргнул.

— Прошу прощения?

Правитель уже отворачивался. Его мантия шуршала по камню, шаги удалялись к боковому выходу. В дверях он обернулся и добавил, словно вспомнив:

— Мирослав предупреждал, что придёшь не один.

Дверь закрылась. Евсей стоял, открывая и закрывая рот. "Не один" — что это значит? Он оглядел зал. Люди расходились, стражники поднимали Благояра — того рвало чёрной жижей,

он был бледен как смерть и бормотал что-то невнятное. Василиса стояла рядом, бледная тоже, но по-другому — не от слабости, от понимания.

— Василиса, — Евсей повернулся к ней. — Что значит "тринадцатый"?

Она не ответила. Её взгляд был прикован к полу. Евсей проследил за её глазами и увидел. Там, где стояли тени-клоны, на камне остались следы — выжженные, как от кислоты. Но не они привлекли внимание Василисы. Между следами, у дальней колонны, на полу лежал предмет. Маленький, каменный, холодный.

Хлебная птичка.

Та самая, которую Фрол дарил Василисе. Вроде бы — просто хлеб, вроде бы — обещание. Птичка была каменной. Окаменевшей, словно кто-то превратил мягкое тесто в камень одним прикосновением тёмной силы.

Василиса наклонилась, подняла птичку. Та была ледяной, хотя в зале было тепло. Её пальцы сжались, костяшки побелели. Она подняла глаза на Евсея.

— Фрол был здесь, — прошептала она. — Он был здесь, и он был не один.

Евсей нахмурился.

— Фрол? Тот парень из деревни? Откуда он здесь?

Василиса не ответила. Она сунула птичку за пазуху и быстро пошла к боковому выходу — туда, куда ушёл Правитель. Евсей двинулся за ней, но тут Агний вспыхнул тревожно и метнулся к углу зала. Евсей обернулся.

В углу, у колонны, где лежала птичка, пространство мерцало. Не так, как мерцает Агний — по-другому. Тускло, грязно, как масляное пятно на воде. Евсей присмотрелся и увидел: от колонны тянулась тонкая чёрная нить. Не та, что он плёл — другая. Чужая. Она уходила вниз, сквозь камень, в глубину. Нить пульсировала, как второе сердце, медленно и ровно.

"Фрол", — задумчиво произнес Евсей. Но не сам он — что-то в нём. Что-то, что привело его сюда, что заставило его стоять у колонны с чёрными, пустыми глазами, пока вокруг бушевала битва. Что-то, что ушло вместе с туманом Морока, но оставило нить.

Он протянул руку к нити — Агний загорелся предупреждающе, ярко, тревожно. Евсей отдернул руку. Нить пульсировала. Он не мог разорвать её сейчас — не здесь, не так. Но он запомнил, где она. И запомнил, как она пахнет. Не носом — чем-то другим, тем, что Игнат называл чуйкой. Нить пахла хлебом и отчаянием.

Василиса ждала его у двери. Лицо её было замкнутым, губы сжаты в тонкую линию. Льдинки на юбке погасли.

— Идём, — сказала она. — Нам нужно поговорить. Но не здесь.

Пока в зале Уга развязывалась последняя схватка, далеко за его стенами, в деревне Заколотье, ночь не принесла покоя.

Прокоп сидел на крыльце, слушая, как скрипит мороз. Велеса вышла из избы, накинула ему на плечи тулуп.

— Не спится? — спросил он, не оборачиваясь.

— Не могу, — Велеса опустила рядом, прижалась боком. — Что-то не так, Прокоп. Чувствуешь?

Прокоп молчал. Он чувствовал. Где-то далеко, за лесами и полями, что-то сдвинулось. Не гром, не молния — тоньше. Как нота, которую не слышишь ушами, но ощущаешь всем телом. Нота была тёмная, низкая, и от неё вибрировали кости.

— Всплеск, — сказал он наконец. — Большой.

Велеса вдруг побледнела. Она схватила его за руку, пальцы её были ледяными.

— Прокоп!

Из её носа потянулась тонкая красная струйка. Кровь капнула на снег — яркая, алая, как ягода калины.

— Господи, Велеса! — Прокоп метнулся, подхватил её лицо, стал вытирать кровь рукавом. — Что с тобой?

— Не со мной, — она закрыла глаза, голос дрожал. — Не здесь. Там. Что-то большое случилось. Большое и тёмное.

Прокоп держал её, пока дрожь не утихла. Кровь остановилась, но Велеса оставалась бледной. Он усадил её поудобнее, сам сел рядом, не выпуская руки.

— Нужно предупредить Игната, — сказал он.

— Игнат далеко, — Велеса открыла глаза. — Но весточку можно послать.

Прокоп кивнул. Он встал, прошёл во двор, где на жердине сидел старый ворон — чёрный, немолодой, с пробившимися сквозь тёмные перья седыми ворсинками. Ворон был не его — деревенский, но Прокоп его подкармливал, и ворон отвечал тем же: носил весточки, когда просили. Не по команде — по доброй воле. Прокоп вырезал из бересты квадратик, нацарапал углём: «Морок. Василиса жива. Фрол пропал три дня. Ищи.»

Ворон наклонил голову, схватил бересту когтем, расправил крылья и ушёл в ночь. Прокоп смотрел ему вслед, пока чёрная точка не растворилась в темноте.

— Нужно проверить дом Фрола, — сказал он, вернувшись к Велесе. — Три дня его не видели. Ты знала?

Велеса молчала. Потом тихо сказала:

— Знала. Думала — запил. Он после того, как Василиса его отвергла, запивал не раз.

— Запил — это одно. А вот это — другое.

Они пошли по деревне. Ночь была тихой, морозной, небо усыпано звёздами. Деревня спала. Только в одном окне, на краю, у дома Фрола, не было света, но дым из трубы шёл. Кто-то топил печь. Или что-то.

Прокоп толкнул дверь — незаперта. В горнице было пусто. На столе — недоеденный каравай, надкушенный, с отпечатками пальцев. В углу — опрокинутая табуретка. На полу — следы. Не снежные, не грязные. Чёрная смола. Тонкие, как паутина, тянущиеся от порога к печи и дальше, к стене. Прокоп присел, тронул смолу пальцем — и отдернул руку. Обожгло. Не огнём — холодом, таким пронзительным, что палец онемел.

— Не трогай! — Велеса перехватила его руку. Её глаза были широко открыты. — Это метка. Метка Морока.

Прокоп смотрел на свой онемевший палец. Палец белел, как восковой.

— Фрола забрали, — сказала Велеса тихо. — Не он ушёл. Его забрали.

— Кто?

— Тот, кто уже был среди нас. Давно.

Они переглянулись. За окном, в ночи, деревня спала, не зная, что одна из нитей, державших её покой, оборвалась.

Еще в одной избе в эту ночь не спали. Бабка Агафья лежала на лавке, укрытая тулупом, но глаза были открыты. Небо за окном светилось бледно-зелёным — не на востоке, где должен был заняться рассвет, а на юге. В той стороне, где лежал УД. Агафья смотрела на это свечение и молчала.

Потом она встала. Тихо, чтобы не разбудить Василису — девочка спала в горнице, впервые за месяцы без кошмаров. Агафья прошла в сени, накинула шаль, вышла во двор. Мороз ударил по лицу, но она не почувствовала. Зелёный свет на юге дрожал, как полярное сияние, — но здесь, в средней полосе, полярных сияний не бывало.

Агафья вернулась в дом. Долго стояла у печи, потом решительно нырнула под неё. В темноте, за кирпичами, в нише, которую она замаскировала посудой и тряпьем, лежал свиток. Старый, пожелтевший, пахнущий пылью и временем. Агафья развернула его, прищурилась в свете лучины, нашла нужную строку. Прочитала. Перечитала. Лицо её окаменело.

Она поднесла край свитка к огню лучины. Пергамент занялся неохотно, потом разгорелся. Агафья держала его, пока пламя не дошло до пальцев, и только тогда бросила обугленный остаток в печь. Пепел взлетел и осел на кирпичках.

— Началось, — прошептала она. — Господи, пронеси.

Она не молилась часто. Воля и сила — вот что было её верой. Но сейчас, глядя на зелёный свет в окне, бабка Агафья впервые за долгие годы чувствовала себя маленькой и бессильной. И это пугало больше всего.

Евсей и Василиса шли по боковому коридору. Стены были каменные, сыроватые, факелы чадили в железных кольцах. Агний плёлся следом, притихший, изредка выбрасывая робкие искры. Он чувствовал, что время дурачеств прошло.

— Сюда, — Василиса толкнула тяжёлую дверь.

Они вошли в небольшую комнату. Стол, две лавки, узкое окно под потолком. На столе — кувшин с водой и чаша. Просто, почти аскетично. Василиса села, жестом указала Евсею на вторую лавку. Тот сел. Агний устроился на краю стола, свесив огненные ножки, болтал ими, но молчал.

— Тринадцатый, — сказала Василиса, глядя в стол. — Это про тебя.

— Я понял. Но что это значит?

Василиса подняла глаза. В них не было озорства, не было той лёгкости, с которой она ещё недавно дразнила Фрола у калитки. Сейчас перед ним сидела другая Василиса — серьёзная, уставшая, знающая слишком много для своих лет.

— Когда я была маленькая, — начала она, — бабка Агафья рассказывала мне о Совете. Не всё, кусками. — это не просто волхвы, которые сидят и решают, кому куда идти. Совет ищет. Они ищут человека.

— Какого человека?

— Особого. Призрака-Хранителя. — Василиса произнесла это тихо, словно само слово было тяжёлым. — Того, кто сможет не просто видеть ткань мира, а менять её. Переплестать нити, чинить разрывы, связывать то, что разорвано. Это не магия в обычном смысле. Это... другое.

Евсей молчал. Внутри всё сжималось. То, что он сделал в зале — заморозил время, увидел нити, сплёл узор — это было не просто "необычно". Это было то, о чём говорила Василиса. Он менял ткань реальности.

— Мирослав, — продолжила Василиса. — Старец в белых одеждах. Ты его встречал?

— На берегу моря, — задумчиво сказал Евсей. — Он говорил со мной о молодости.

— Он ищет Призрака-Хранителя уже не один век. И ты — тринадцатый кандидат.

— Тринадцатый? — Евсей усмехнулся, но усмешка вышла кривая. — А что было с первыми двенадцатью?

Василиса не улыбнулась.

— Провалились, — сказала она.

Тишина повисла между ними. Агний перестал болтать ногами. Где-то за стеной гулко прокатился звук шагов стражников.

— Что значит "провалились"? — Евсей спросил тихо.

— Не знаю точно. Бабка говорила — каждый по-своему. Один сошёл с ума. Другой предал. Третий просто исчез. — Василиса сцепила пальцы. — Но был один... двенадцатый. Он прошёл дальше всех.

— И?

— И сломался. На последнем испытании. Не смог принять, что его прежняя жизнь умерла. Что назад дороги нет.

Евсей почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Не от страха — от узнавания. "Прежняя жизнь умерла". Он сам прошёл через это, когда вышел в дождь и не вернулся. Но он — вернулся. В другом мире, в другом обличье, но вернулся.

— Мирослав здесь? — спросил он.

— Думаю, да. Он всегда рядом, когда дело касается Совета.

Евсей встал, подошёл к окну. За узким проёмом было темно — ночь ещё не отступила. Где-то далеко, на юге, мерцало бледно-зелёное зарево. Он прищурился.

— Василиса. Птичка на полу. Фрол. Ты сказала — он был здесь и не один. Что ты имела в виду?

Василиса долго молчала. Потом достала из-за пазухи каменную хлебную птичку и положила на стол.

— Фрол пришёл сюда не сам, — сказала она. — Его привели. Я видела метку на его виске — когда он приходил ко мне, тогда, в первый раз. Я не придавала значения. Отчуждённые, метки — это одно. Но то, что привело его сюда — другое. Благояр.

— Благояр? Твой дядя?

— Мой дядя. — Боль поднялась с глубины и затопила девушку захотелось плакать. Она знала суровую участь тех, кто был в родстве с такими как... дядя. Но она не страшилась просто никак не могла принять что её родственник близкий и поддался Мороку.

- Да он был одержим Мороком. Давно или недавно — не знаю. — Она произнесла это тихо. - Но именно он привёл Фрола. Я видела нить — чёрную, от Фрола к Благояру. Фрол был проводником. Не по своей воле. Морок действовал через Благояра, а Благояр через Фрола.

— Но зачем Фрол? Чем он так особенный?

Василиса опустила голову.

— Он любит меня. Или любил. Морок использует любовь, как верёвку. Дёргает за неё — и человек идёт туда, куда не пошёл бы никогда.

Евсей сел обратно. Руки были холодные. Агний подкатился ближе и согрел его пальцы лёгким жаром.

— Где Фрол теперь? — спросил Евсей.

— Не знаю. Его тело, наверное, где-то здесь. Но душа...

Дверь скрипнула. На пороге стоял Мирослав.

Он вошёл тихо, как и подобает старцу, привыкшему к коридорам и теням. Белые одежды были по-прежнему безупречны, но лицо — лицо было другим. Не тот спокойный, чуть ироничный взгляд, что на берегу моря. Сейчас глаза Мирослава были тёмными, настороженными, как у человека, который долго ждал и боится, что ожидание оказалось напрасным.

— Тринадцатый, — сказал он, глядя на Евсея. — Покажи мне.

— Что показать? — Евсей поднялся.

— Что ты сделал в зале. Не словами. Силой.

Евсей посмотрел на Василису. Та едва заметно кивнула. Он повернулся к Мирославу, поднял правую руку, и из пальцев потянулись тонкие золотистые нити — те самые, которыми он плёл в зале. Нити сплетались в воздухе, образуя маленький узор — не сложный, но цельный, живой.

Мирослав смотрел. Его лицо не изменилось — но пространство за ним дрогнуло. Не радость. Не разочарование. Что-то третье, чему Евсей не мог найти названия.

— Хорошо, — сказал Мирослав. — Идём.

— Куда?

— Там, — Мирослав кивнул вглубь коридора, — есть стена. Она покажет тебе то, что ты должен увидеть. И то, что, возможно, не захочешь видеть.

Евсей двинулся за ним. Василиса — следом. Агний, повинаясь какому-то непонятному порыву, вдруг спрятался за плечо Евсея и притих. Огонь его стал маленьким, едва тлеющим — будто он боялся того, что будет дальше.

Коридор вильнул, сделал поворот, нырнул вниз. Стены стали старше — камень грубее, кладка неровная, факелы сменились чем-то другим: тонкие полосы света, не имевшие источника, тянулись по стенам, как жилы в мраморе. Мирослав шёл впереди, не оглядываясь, его белые одежды казались единственным светлым пятном в этом полумраке.

Ещё один поворот — и они вышли в маленький зал. Стены — гладкий, тёмный камень, похожий на обсидиан. В центре — ничего. Но Мирослав подошёл к стене напротив входа, положил ладонь на камень и отступил.

Стена ожила.

Сначала по поверхности пошла рябь, как по воде в кадке Василисы. Потом рябь улеглась, и проступили лица. Одно за другим, как фотографии на проявляющейся плёнке. Двенадцать лиц — живых, мерцающих, не застывших.

Евсей подошёл ближе. Лица были разные: молодые и старые, мужские и женские, русские и не только. Каждое светилось слабым внутренним светом, и у каждого под лицом проступала судьба — не словами, а образами, чувствами, обрывками памяти.

Первое лицо — молодой мужчина, русые волосы, безумные глаза. Он что-то кричал, рвал на себе одежду. Потом свет погас, и лицо растворилось в стене. Сошёл с ума.

Второе — женщина, строгая, красивая. Она стояла на коленях перед кем-то, просила. Потом отвернулась и ушла во тьму. Предала.

Третье, четвёртое, пятое — каждое лицо жило свою короткую, страшную историю. Один исчез — просто растаял, как туман. Другой сгорел — буквально, от него осталась только горстка пепла, унесённая ветром. Третий застыл — как статуя, с открытыми глазами, в которых застыл ужас.

Евсей смотрел и чувствовал, как внутри холодеет. Каждый из них был им. Каждый мог быть им. Каждый получил ту же силу, увидел те же нити, попробовал сплести — и не смог. Или смог, но цена была слишком высока.

Лицо номер двенадцать.

Евсей остановился. Воздух выбило из лёгких разом, как от удара в живот.

Лицо было знакомым. Не таким, как сейчас — моложе, свежее, без морщин у глаз, без седины на висках. Но это было его лицо. Нет — не его. Лицо, похожее на его, как одно яблоко похоже на другое с того же дерева. Те же скулы, тот же разлёт бровей, та же линия подбородка. Но глаза — глаза были другие. Тёмные, глубокие, полные такой тоски, что Евсей не мог смотреть.

— Это... — он не мог выговорить.

— Двенадцатый, — сказал Мирослав за его спиной. Голос старца был ровным, лишённым эмоций, как протокол. — Прошёл дальше всех. Дошёл до последнего испытания. Не сломался в обычном смысле. Но — не справился. Не смог принять, что его прежняя жизнь умерла.

— Это мой отец, — сказал Евсей.

Тишина была оглушительной. Василиса стояла у стены, прижав руку к рту. Агний — маленький, притихший огонёк — вдруг загорелся ярко, ярко, почти ослепительно, и тут же погас до искры. Словно его ударило током.

— Да, — ответил Мирослав. — Твой отец.

Евсей стоял перед стеной-памятью и смотрел на лицо, которое помнил только по старым фотографиям и по снам матери — тем снам, от которых она просыпалась с мокрым лицом. Отец на стене не двигался. Он стоял на пороге — не в двери, а на пороге между мирами. За его спиной был свет, перед ним — тьма. Он стоял и не мог сделать ни шага вперёд, ни шага назад. Застыл. Застрял.

— Он не умер, — Евсей сказал это не вопросом. Утверждением. Потому что теперь знал.

— Нет, — Мирослав покачал головой. — Он не умер. Он застрял. Между мирами. Стал одной из теней в Сером Пределе — пространстве между жизнью и небытием, куда попадают те, кто не выбрал.

— Он не выбрал? — Евсей обернулся к Мирославу. — Что значит "не выбрал"?

— На последнем испытании нужно было отказаться от всего, что было. От семьи, от памяти, от себя. Стать чистым сосудом для силы. Твой отец... — Мирослав замолчал. Потом продолжил, и в голосе его впервые проскользнуло что-то живое, не протокольное. — Твой отец отказался. Он не мог отказаться от вас. От твоей матери. От твоей сестры. Он выбрал вас, а не силу. И застрял.

Евсей закрыл глаза. Внутри всё гудело, рвалось, путалось. Отец не ушёл. Отец не бросил. Отец выбрал — и заплатил за это вечностью в пустоте.

— А те, кто провалились раньше, — спросил он, открыв глаза, — что с ними?

— Одиннадцать — пепел, — Мирослав говорил ровно, но его руки, сложенные в замок, побелели в суставах. — Сгорели. Сила, которую они приняли и не смогли удержать, пожрала их. Двенадцатый — единственный, кто остался. Но не живой и не мёртвый.

— А я? — Евсей посмотрел на Мирослава прямо. — Я — тринадцатый. Что будет со мной, если я провалюсь?

— Пепел, — Мирослав не отвёл взгляд. — Как остальные. И я уйду странником. Это было условие.

Василиса шагнула вперёд, встала рядом с Евсеем. Её рука легла на его запястье — горячая, не холодная, как он ожидал. Между ними прошёл разряд — не искра, не молния, а что-то тоньше, глубже. Резонанс. Словно две струны, настроенные в унисон, отозвались друг на друга.

— Ты не провалишься, — сказала Василиса, и голос её был не прошением и не приказом. Обещанием. — Я не дам.

Её пальцы сжались на его запястье, и в этом прикосновении было всё: и сны, в которых она видела его, и лабиринт сознания, из которого она вывела его, и бой в зале, где они плели вместе. Нити их сил сплелись — не метафорически, а буквально: золотистая нить Евсея и мерцающая васильковая нить Василисы обвились друг вокруг друга, как ростки одного корня.

Мирослав смотрел на это сплетение, и что-то в его лице — дрогнуло.

— Резонанс, — прошептал он. — За двенадцать кандидатов — ни разу.

Он не договорил. Но в его глазах, впервые за весь разговор, загорелось что-то, чего Евсей не ожидал увидеть: не надежда — слишком рано для надежды — но тень надежды. Тень, которая могла стать светом, а могла — рассыпаться.

Агний, маленький, притихший, вдруг выглянул из-за плеча Евсея, посмотрел на стену-память — на застывшее лицо двенадцатого — и его огонь стал не оранжевым, а тёмным. Почти чёрным. На мгновение. Мгновение — и снова оранжевый. Но Евсей заметил. И запомнил.

Где-то далеко, бабка Агафья стояла у окна и смотрела на юг. Зелёный свет погас. Небо было чистым, звёздным, обычным. Но Агафья знала — обычным оно только казалось. За звёздами, за тишиной, за покоем — что-то сдвинулось. И уже не вернётся на место.

— Тринадцатый, — прошептала она в темноту. — Дождались. Или прокляли.

Она постояла ещё минуту, потом затопила печь и села ждать рассвета. Ждать — единственное, что ей оставалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.